

18+ ПЛЮС ДВИЖКАС РЕЗА

РОЖДЁННЫЙ
НА КУРШСКОЙ КОСЕ

Борис Бартфельд
Рута Леонова

Борис Бартфельд

**Людвикас Реза. Рождённый
на Куршской косе**

«Издательские решения»

Бартфельд Б.

Людвикас Реза. Рождённый на Куршской косе / Б. Бартфельд —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518033-9

Книга посвящена жизни литовского просветителя Людвикаса Резы — учёного-гуманитария первой половины XIX века. Впервые на русском языке публикуются «Рассказы и наблюдения о военных походах 1813—1814 годов. Из дневника капеллана Прусской армии. Описание боёв, свидетелями которых был сам автор». Читатель узнает историю края и университета, погрузится в события похода союзников против Наполеона, проследит путь молодого учёного в начале XIX века от бедного студента до руководителя университета.

ISBN 978-5-00-518033-9

© Бартфельд Б.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Детство	9
Глава 2. Студенческая юность	17
Глава 3. Капеллан и учёный. Наполеоновские войны	24
Глава 4. Профессор университета «Альбертина»	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Людвикас Реза
Рождённый на Куршской косе
Борис Бартфельд
Рута Леонова

2-е издание, переработанное

© Борис Бартфельд, 2020

© Рута Леонова, 2020

ISBN 978-5-0051-8033-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Людвикас Реза:

«Кто умеет смотреть на небо, тот забывает земные муки и все жизненные трудности»

Предисловие

Прошла почти четверть тысячелетия со дня рождения Мартина Людвикаса Резы, а имя его продолжает жить. При этом он – не знаменитый полководец, не царедворец и далеко не самый великий поэт. Но уникальный жизненный путь Резы продолжает активно изучаться и в XXI веке. Народные песни и истории, собранные и опубликованные им, звучат и комментируются; его научная и административная деятельность является предметом обсуждения на университетских конференциях; в богословских дискуссиях до сих пор упоминаются его работы по теологии; его масштабная работа по подготовке нового перевода Библии на литовский язык продолжает оставаться фундаментальной; его поэзия – литовские дайны – переводятся, читаются и поются; и каждый раз, когда звучит гекзаметр Кристионаса Донелайтиса или упоминается имя великого поэта, звучит и имя Людвикаса Резы. Людвикас Реза – универсальный гений конца эпохи Просвещения.

И всё-таки значение Людвикаса Резы – его личности, его трудов и достижений ещё до конца не раскрыты и не оценены. Собираются новые данные о жизни и работах Резы, появляются новые идеи и подходы к изучению творческого наследия просветителя. Сформированный в прошлом веке стереотипный образ, что Реза – бедный сирота, прусский литовец из маленькой деревни на Куршской косе, занесённой песком, случайно получивший университетское образование (по сути правдивый, но по соображению нынешних дней – слишком узкий) нуждается в более широком и пристальном взгляде на его жизнь и деятельность.

При этом необходимо учитывать, что Реза в первую очередь был священником и лишь затем – педагогом, одним из руководителей университета, теологического факультета и литовского семинара, филологом, редактором и переводчиком религиозного писания, публицистом, историком и, наконец, поэтом. Хотя в каждой из этих областей он получил прижизненное признание.

Для литовской литературы, культуры и развития национального самосознания важнейшая область деятельности Резы – публикация литовских народных песен и поэтических произведений Кристионаса Донелайтиса. Он одним из первых стал систематически собирать народные песни и к этой работе привлёк представителей разных слоёв общества из всех районов Восточной Пруссии. На основе собранного материала им написаны первые аналитические исследования народных песен, и труды его увенчались выпуском в Кёнигсберге сборника литовских народных песен с подробным научным комментарием. Песни из этого сборника, аутентичные и обработанные, и сегодня любимы и часто звучат.

Реза высоко (хотя и не всегда однозначно) оценён как открыватель, первый публикатор и переводчик на немецкий язык поэмы «Времена года» Кристионаса Донелайтиса, а также басен великого поэта. Реза открыл поэта Донелайтиса неслучайно. Он долгие годы искал, системно собирал и исследовал литовские рукописи. Есть версия, которая продолжает обсуждаться, что именно им опубликовано ещё одно из самых первых литовских светских художественных произведений – историческая поэма «Пилкалнис» Кристионаса Готлиба Милкуса.

Реза вырос среди простого народа в литовско-куршском, в деревенском немецком окружении, получил немецкое академическое образование и воспитание, в нём было достаточно много государственного прусского патриотизма, однако, в автобиографии он себя называл урождённым «из литовского рода», а великой заботой его жизни было служить просвещению и литовскому народу. Он был единственным прусским литовцем, достигшим такого высокого академического и церковного ранга. Не только в Прусской Литве, но и в зарубежных академических кругах его считали самым знаменитым специалистом по балтистике. Литуанистические труды не раз сводили Резу с известными немецкими, российскими и другими европейскими государственными деятелями и учёными первой половины XIX века.

6 января 1810 года король Пруссии издал приказ о назначении Резы экстраординарным профессором теологии и специальным преподающим руководителем семинара литовского языка. Этот семинар в Кёнигсбергском университете, учреждённый 27 июня 1718 года специальным рескриптом прусского короля Фридриха Вильгельма I – первая академическая структура в мире по изучению литовского языка. К началу XIX века семинар пришёл в упадок, стоял вопрос о его закрытии, но профессору Резе удалось усовершенствовать его работу. Он руководил семинаром и преподавал в нём почти 30 лет с небольшим перерывом, когда в качестве военного капеллана окормлял прусскую армию на войне с Наполеоном. Реза был единственным среди коллег-профессоров университета Кёнигсберга, прекрасно знавшим литовский язык. Он воспитал яркую плеяду деятелей литовской письменности, распространителей народного творчества и собирателей фольклора. Во времена его руководства семинаром значительно выросло число слушателей, а семинар достиг своего расцвета.

Три десятилетия Реза преподавал курс теологии и древних языков в Кёнигсбергском университете, не раз был избран проректором университета (титул ректора был у самого короля), деканом Теологического факультета, был членом сената университета, председателем Церковной консистории, писал латинские теологические и философские трактаты. Вклад Резы в науку и культуру Восточной Пруссии, несомненно, значителен. Несмотря на сиротское детство, голодную юность, военное лихолетье, Людвикас Реза был оптимистом, считавшим, что добросовестный, системный труд на благо людей способен улучшить мир.

Напряжённая работа подорвала здоровье профессора Резы. Он умер в 1840 году 30 августа на 65 году жизни и похоронен в Кёнигсберге на старом Кнайпхофском кладбище (Соборном), вблизи Бранденбургских ворот. Свои накопления и имущество он оставил по завещанию на приобретение и содержание студенческого общежития Резаниума, широко известного до сих пор.

В последние десятилетия в Литве и других странах выполнены значительные работы по изучению наследия Резы. В 2005 году в Калининграде в издательстве «Кладезь» на русском и немецком языках опубликован сборник стихов Л. Резы «Прутена» в переводе Сэма Симкина. На литовском языке вышли несколько томов фундаментальной энциклопедии, посвящённой Резе, опубликованы «Дневник капеллана», «История семинара литовского языка».

До сих пор на русском языке, за исключением нескольких краеведческих статей (например, Н. Ермакова, М. Бёттихер «Реза как руководитель Литовского семинара в Кёнигсбергском университете») и глубокого эссе профессора Владимира Гильманова «Людвикас Реза и борьба двух „тайн“», не публиковалось значительных материалов о Резе. Данная книга – первое обширное издание на русском языке, посвящённое ему. Первоначально рукопись этой книги содержала огромный библиографический список, сотни ссылок на публикации (в основном на литовском и немецком языке), посвященные жизни и творчеству Резы. Это придавало книге научную значимость, но делало совершенно невозможным чтение текста для обычного читателя. Так как эту книгу авторы в первую очередь адресуют широкому кругу российских читателей, мы решили отказаться от обильных ссылок и сделать текст более доступным. В работе над этой книгой широко использовались статьи и монографии сотен исследователей, которым приносим благодарность и признаем их приоритет по всем вопросам, затронутым в книге. Считаем необходимым с глубоким почтением упомянуть имена хотя бы некоторых исследователей жизни и трудов Резы: Анта-нас Йовайша, Юозас Юргинис, Домас Каунас, Рут Лейзе-рович, Люция Цитавичуте, Сильвия Поците, Ниоле Стра-каускайте, Люция Путинайте, Леонас Гинейтис. Именно их работы легли в основу жизнеописания профессора Резы.

Людвикас Реза родился на Куршской косе, учился и всю жизнь работал на земле нашего края, умер и упокоен в нашем городе. Его память отмечена замечательным памятником на проспекте Победы и мемориальными досками на одном из зданий университета и на сохранившейся стене старого Кнайпхофского кладбища возле Бранденбургских ворот. Авторы

надеются, что эта книга откроет российским читателям новые страницы жизни легендарной исторической личности, расскажет о его филологических, поэтических, переводческих, теологических работах и исторических записках.

Глава 1. Детство

Миллионы птиц летят над Балтийским морем на север весной, а осенью на юг. Полёт их был долгим и трудным десятки тысяч лет. Но, когда несколько тысячелетий назад из моря поднялась длинная песчаная суша – Куршская коса, она стала прибежищем для уставших птиц, местом их спасения и отдыха. Недаром старинное название косы – Страна гнёзд (Нестланд). Коса – заветное место, особенно для родившихся на ней. Детские годы во многом определяют эмоциональный строй, качества личности и интересы человека. Огромное значение имеет и природа, окружающая ребёнка. В этом смысле детство Людвика Резы было необычным. Узкая полоска земли между морем и заливом, зелень хвойных лесов, песни ветра и золотого песка – вот пространство юного Людвика. Он родился 9 января 1776 года* в деревне Карвайчай в семье хозяина корчмы, сторожа морского побережья Куршской косы Йонаса Резы (Johann Reese) и дочери табачника из Шилуте Катарины Шарлотты, в девичестве Шнайдер (Chatherine Charlotte Schneider). Реза был младшим ребёнком в большой семье.

В конце XVIII века Куршская коса была дальним захолустьем Прусского королевства. Жители здесь занимались рыболовством, огородничеством, собиранием янтаря. Заработок от случая к случаю предоставлял и почтовый тракт, который соединял Кёнигсберг (ныне Калининград) с Мемелем (Клайпедой). Люди, жившие на Куршской косе (Неринге), говорили на немецком, литовском и на своём собственном – куршском-наречии, близком к латышскому. Местными администраторами, пасторами, учителями назначались немцы, но они на косу отправлялись неохотно, ибо в бедном песчаном крае не могли рассчитывать на хороший доход. Их также пугали частые сильные шторма и необычное стихийное бедствие: после вырубки лесов сдвинулись дюны, ветер стал заметать песками дороги, населённые пункты, в том числе и деревню Карвайчай.

Ко времени рождения Резы деревня Карвайчай была центром церковного прихода, здесь располагались небольшая школа, трактир, несколько усадеб, однако надвигающиеся дюны уже начинали разрушать деревню. Расскажем подробнее об этой деревне на уникальной Куршской косе (Неринге), где прошли его детские годы, и собственно о церковном приходе Карвайчай – Юодкранте (Шварцорт) как явлении, сыгравшем фундаментальную роль в формировании личности Резы – краеугольном камне его последующей успешной деятельности. К этому месту он не остался равнодушным, и когда достиг карьерных высот в Кёнигсберге. Именно здесь в середине XVIII века начиналась история рода Резы на Куршской косе. По данным немецкого историка Курта Фор-штрейтера, до 1724 года никого из семьи Резы на Куршской косе ещё не было. Его предки переселились сюда, предположительно, около 1746 года.

В деревне Карвайчай в те времена число домовладений не превышало 20-ти, а в приходе в целом – 60-ти, и так продолжалось более века, до середины XIX столетия. Это место можно считать самой захолустной частью провинции Восточной Пруссии того времени не только по географическим критериям, но и по качеству жизни людей. Мало того, что Мемельский (Клайпедский) край был самой дальней окраиной, приход Карвайчай, вдобавок, был отделён от материка и омывался заливом и морем. Так как до ближайшего другого приходского центра было более 30 км по пескам, а до деревни Кинтай (ныне Литва, поселение Кинтай – на восточном берегу Куршского залива) – 14 км по воде через залив, то Карвайчай в XVIII веке действительно была трудно достигаемой церковной деревней. Но было и одно благоприятствующее обстоятельство: до самой середины XIX века Куршская коса выполняла функцию оживлённого почтового тракта европейской важности, который имел большое значение для государственных и хозяйственных отношений. Куршская коса была сначала важным отрезком тракта Кёнигсберг-Рига, а в первой четверти XVIII века, когда столицей России стал вновь построенный город Санкт-Петербург – частью сообщения Берлин-Петербург. Близкие связи Пруссии

и России гарантировали почти регулярное движение правителей, дипломатов, торговцев и деятелей культуры. Военно-стратегическое значение тракта сузилось уже на закате Орденского государства. Но в поздние века военные части разных стран шагали по Куршской косе. К сожалению, хотя местные жители и имели возможность видеть не одну мимо проезжающую знаменитую личность того времени, даже монарха, однако это имело небольшое влияние на качество их повседневной жизни. А последствия военных противостояний здесь, как нигде больше, отзывались особенно больно и долго.

Обобщённую и правдивую картину жизни в этих местах передают описания этой местности различных путешественников. Вот записка одного из них:

«На этом полуострове нет никакой растительности, здесь не увидишь ни вспаханной земли, ни деревьев, ни грядки овощей. Со стороны залива в разбросанных семи деревеньках жители занимаются исключительно рыболовством. Более грустного места, чем здесь, наверное, нет в мире. Только песок и вода. Мне не понятно, как здесь могут жить люди. Уже один их вид показывает, что ничего общего, кроме человеческого облика, с другими людьми они не имеют. Недружелюбие в чертах лица, грязь, непонятный воющий язык – всё это свидетельствует, что они стоят на самой низкой ступени человечества».

Схожее впечатление изложено и в другом достаточно художественном описании путешествия по косе в 1800 году. Автор сообщает, что ещё более грустный вид, чем Куршский залив, имеет Куршская коса, в которой ничего нет, кроме вечной бури песка. Можно путешествовать милю за милей и не встретить ни одного человека, не говоря уже о деревьях. По песку здесь ехать невозможно, ибо песок достаёт до оси телеги. Встречаются некогда обжитые людские лачуги, которые почти занесены. На побережье моря лежат выброшенные на берег останки разбитых кораблей. В конце концов, путешественник резюмирует:

«Всё здесь выглядит запущенно и страшно, и всё, что здесь можно услышать и увидеть, у человека с дрожью будит мысли о Божьей каре».

Постоянная борьба сдвигающимся песком и бедностью – так выражен скромный образ жизни родной деревни Резы, которую он наблюдал в детстве. Такова типичная картина жизни многих поселений на Куршской косе за несколько десятилетий до начала XIX века и в течение полувека после.

К церковному приходу Карвайчай относились тогда деревни Юодкранте, Нида, Нагляй и Карвайчай (последние два поселка вблизи Юодкранте ныне не существуют). В середине XVIII века здесь были 44 домовладения, в 1785 году – 49, в 1792-м – 55, а в 1820-м – 69 усадеб с 498 жителями. Этот приход, с относящимися к нему деревнями и жившими там прихожанами, сильно уступал другим приходам Клайпедского края. Важно и то обстоятельство, что в этой части Куршской косы почти не было пашни и лугов. По данным на середину XIX века, приходу принадлежало всего лишь 20 га пашен, лугов и пастбищ. Это обстоятельство и было определяющим для образа жизни местных жителей: заниматься животноводством и земледелием не было условий, единственным и стабильным источником средств для проживания было рыболовство. Как известно, по социально-имущественным критериям рыбацьи общины всегда были на ступень ниже крестьян. Выращивать скотину (в ограниченном количестве) на косе можно было только при условии доставки кормовой травы и сена с другой стороны залива. Сено же, привезённое летом на лодках, а зимой по льду на санях, было дорогим – с этим и связана дороговизна содержания скотины. Пастор Юодкранте в середине XIX века для коровы на зиму купил лодку сена за 23 талера, а его годовой доход составлял 600 талеров. Он отмечал, что для него деньги, потраченные на сено, были очень большими. Бедная жизнь прихожан очень хорошо раскрывается в контексте церковной жизни. Можно и по-другому сказать: маленькое число прихожан и скудное их положение предreshало плохое материальное состояние церковного прихода.

В XVII веке деревни прихода формально принадлежали приходу Кунцай. В 1709 году от Кунцай были отделены Нида, Нагляй, Карвайчай, туда же присоединили селение Юодкранте, которое принадлежало литовской общине церкви Св. Якоба в Клайпеде. Из этих деревень был сформирован Приморский приход (Strandgemeinde), который до 1740 года обслуживал дьякон (второй священник) литовского прихода церкви Клайпеды. Совершенно самостоятельным приход Карвайчай стал в 1741 году, когда общине был назначен отдельный священник. Хотя административно приход Карвайчай стал самостоятельным, но материально он никогда не мог себя содержать без внешней помощи. Наверняка, церковные власти Кёнигсберга и суперинтендантура Мемеля, создавая новый приход Карвайчай, не рассчитывали, что эта община на пятьдесят лет станет тяжёлой ношей финансового и другого обслуживания. Все надеялись, что со временем дела наладятся, и священник с прихожанами заживут лучше.

Материальный недостаток прихода хорошо виден из истории строительства церковных строений и уровню жизни священников. До 1748 года в Карвайчай отдельного здания церкви ещё не было.

Церковные службы после пожара 1746 года проходили в большой комнате школьного здания. Отдельные здания школы и церкви отстроены к 1748 году при большой поддержке суперинтенданта Клайпеды и при его посредничестве в получении финансовой помощи. Больше всего проблем было со строительством пасторского дома в 1755 году. Суперинтендент лишь в 1751 году решился организовать акцию сбора средств для строительства. За помощью он обратился в приходы Клайпедского края, которые всего пожертвовали

100 талеров. Объявили сбор по всему Литовскому департаменту и собрали ещё 268 талеров. Так как собранных средств не хватало – по смете на строительство требовалось 492 талера, было получено указание от властей найти вариант с меньшими затратами. Было решено школьное здание, в котором жил прецептор (учитель), передать пастору, а для школы построить здание поменьше. Новое здание школы, где была предусмотрена и квартира для учителя, было построено в 1755 году и обошлось в 211 талеров.

Другой случай, опустошивший церковную кассу, был связан с опасностью заноса песком деревни Карвайчай. Угроза эта стала реальной с 1774 года. Сначала опасность больше всего угрожала церковным строениям, поэтому в 1777 году был перенесён на новое место и перестроен пасторский дом, затем то же самое в 1779 году было осуществлено со школой, а церковь в 1795 году была перенесена в Юодкранте.

Приходскую бедность ясно показывают жизненные условия пасторов и учителей. Первый священник Пройс (J.Fr. Preuss) в приход Карвайчай был назначен в 1741 году, но уже в 1743 году из бедного прихода уехал, отслужив всего два года. В акте обследования прихода в 1742 году учитель Михаэль Бернхард жаловался проверяющим, что налоги жители платят нерегулярно, а некоторые вообще отказываются платить. Кроме того, он был недоволен плохим состоянием небольшого школьного здания. А пастор Пройс тогда же заявил проверяющему, что из-за плохих жизненных условий он не может иметь лошадь, а значит, не имеет возможности навещать прихожан. Своих же лошадей прихожане пастору давали редко.

Когда Пройс ушёл с церковной службы из прихода Карвайчай, власти почти 10 лет не могли найти ему замену на эту плохо оплачиваемую работу. Кроме того, в 1746 году в селе Карвайчай сгорели молельный дом и школа. В 1752 году лютеранская консистория сделала вывод, что если найдётся подходящий кандидат на должность пастора в Карвайчай, то ему следует предложить более значительную зарплату, но это понимание пришло слишком поздно. Так как приход не смог собрать священнику нужную сумму, снова пришлось просить помощи у других приходов. О скромной жизни тамошних священников имеется много свидетельств.

Дошло до того, что, когда в 1782 году умер пастор прихода Карвайчай Довидас Готфридас Зудноховиус (D.G. Zudnochowij), его брат Теодор не разрешил карвайчайцам похоронить

его там, объяснив: «Я вам его в ваши пески на смех ветрам не оставлю, здесь первый же ветер может его вымести из могилы. Он свои дни в вашем пересохшем деревянном доме священника отмучился. Теперь он ляжет в могилу выложенную кирпичом, где ему ни в чём не будет нужды».

Путешественник, описывая условия жизни священника Юодкранте, отмечал: «Приходской дом был крохотным, напротив него, на маленьком участке земли росли несколько фруктовых деревьев, рядом паслась корова – единственное животное, принадлежащее пастору».

Условия жизни учителей прихода были схожими, может быть, даже хуже, чем священников. В одном письме 1753 года сообщается, что у прецептора деревни Карвайчай нет лугов и прихожане, которые арендовали луга по той стороне залива, обязаны каждый год обеспечивать своего учителя сеном. Однако сено, которое селяне поставляли, часто, иногда четыре года подряд, было негодным, ибо луга даже летом бывали затопленными. В обращении к власти прецептор просил: «Низко кланяясь, прошу, чтобы планируя какие-то изменения в Карвайчай, вы подумали бы и о положении учителя, ибо прожить на 32 талера почти невозможно».

Бедность общины Карвайчай раскрывает скромное внутреннее убранство церкви Карвайчай и Юодкранте. В 1776 году, в год рождения Резы, всё имущество церкви Карвайчай составляли две чаши из серебра и олова, два подсвечника, латунная посуда для крещения и одно расписанное блюдо для исполнения обряда. Из принадлежностей алтаря – всего лишь несколько разноцветных шёлковых платков, а амвон был обшит красным полотном, которое пожертвовал владелец почты Ниды. Остальные вещи церкви – всего лишь носилки и регистрационные книги.

Скудное имущество было и у церковных школ Карвайчай, Юодкранте и Ниды. В конце XVIII века в школах имелись лишь классные доски, каталоги и книги Библейских историй на литовском и немецком языках. Школа в Карвайчай, как подобает основной церковной школе, имела одно преимущество – старую литовскую Библию, лежащую на полке. Немного позже (около 1807 г.) школьный инвентарь пополнился столом, партами и несколькими книгами. Такое состояние дел отражает строка элегии Резы о спасающихся от ползучих песчаных дюн жителей деревни Карвайчай: «Бежали в другие деревни со скудными остатками имущества...»

И так нелёгкую жизнь прихожан не раз усложняли войны. Большие убытки общине Куршской косы принесли события Семилетней войны (1757—1763) и наполеоновских войн (1807—1812). Уже в 1805 году по Куршской косе из Мемеля (Клайпеды) в Кёнигсберг прошёл прусский батальон, две части которого через месяц вернулись назад. В июне 1807 года в Клайпеду из отошедшего французам Кёнигсберга на кораблях приплыли множество больных и раненных русских солдат. Ещё тысячи их проходили пустошами Куршской косы. Многие от болезней, голода и истощения умирали по дороге и были похоронены в песчаных дюнах. Есть свидетельство, что в Юодкранте был устроен лазарет, от которого заразные болезни распространились среди местных жителей.

В 1812 году по косе опять проходили воинские части французов, обеспечение им должны были предоставлять местные жители, которые из-за этого несли большие лишения. И тогда же, обосновавшись в церкви Юодкранте и в приходском доме, артиллеристы разграбили помещения, а из страниц, вырванных из церковных книг, крутили пыжи для орудий. Эти события оставили тяжёлый след и в лесах косы.

Лучше всего жизнь прихода Карвайчай характеризует трагический период борьбы людей с ползучими песками и занесением песком деревни. Об этом этапе в жизни деревни осталось много свидетельств. Эту борьбу жителей деревни с песчаными заносами видел малолетний Реза. Отметим лишь самые интересные и наиболее важные. Настоящую опасность песка жители Карвайчай почувствовали ещё в 1746 году, когда был занесён песком находившийся вблизи деревни старый лес. В том же самом году уже упоминавшийся пастор Зудноховиус

сообщал властям, что по причине безостановочного западного ветра и частых ураганов есть угроза занесения песком деревни и церковных строений. Несколько лет, начиная с 1766 года, деревня и священник могли передохнуть от борьбы с песком, ибо в эти годы стали дуть восточные ветры и наступление песка не только остановилось, но и отступило. В 1771 году, когда снова начали постоянно дуть западные и северные ветры, дюны зашевелились и продолжили наступление. Местный священник в 1774 году писал, что опасная песчаная гора приблизилась к приходскому дому до 12 шагов. За последние годы песок придвинулся на 40 метров и замёл растущие вблизи старые 50 сосен, а теперь есть угроза не только заноса приходского дома, но и церкви со школой. В этом же письме о процессе занесения песком сообщалось, что «в том нет вины людей, всю чёрную работу выполняют почти каждодневные западные и северо-западные ветры и ураганы, которые за удивительно небольшое время перенесли сравнительно далеко лежавшие песчаные горы. От песка нет никакой ограды, а восточные ветры, которые могут сдерживать песок, дуют сравнительно редко. Двадцать лет назад для этих зданий не было лучшего места, чем настоящее, которое в будущем году будет замечено». Власть дала указание: церковь, школу и приходской дом из-за бесспорной угрозы заноса песком разобрать и перенести в более безопасное и зелёное место.

Самая большая опасность в то время грозила приходскому дому, ибо песок в конце 1775 года уже достигал половины высоты его окон. Сообщалось, что пастор в пасторском доме ещё сможет зиму прожить, но уже в начале следующего года дом должен быть разобран. Скорее всего, именно в этом приходском полузасыпанном песком доме 14 января 1776 года был крещён родившийся в этой деревне Людвик

Реза. Хорошо хотя бы то, что обряд крещения зимой проходил в отапливаемом помещении.

Положение приходского дома стало окончательно безвыходным, когда 23 марта 1776 года (через три месяца со дня рождения Резы) налетевший ураган почти похоронил его под песком. Две комнаты и кладовая уже не использовались, возникла угроза, что всё здание под давлением песка, который уже доставал до крыши, разрушится. Когда от властей было получено ассигнование на древесину и оказана денежная помощь от соседних приходов, приступили к строительству нового приходского дома, службы в котором начались в 1777 году.

Пока почти три года занимались перестройкой приходского дома, возникла реальная опасность занесения зданий церкви и школы. В извещении от 9 января 1779 года сообщалось, что в прошлом году всё казалось ещё терпимым, ибо осенью часто дул южный ветер. Однако хватило всего нескольких больших ураганов, чтобы состояние строений ухудшилось: ограда вокруг церкви была похоронена в песках, а попасть внутрь можно было лишь через торцовую дверь. Увеличилась опасность и для школы, около которой выросла дюна размером с дом. По этой причине немедленно стали искать новое место. Как сообщается, в 1779 году выбор подходящего места для строительства школы стал самой большой заботой деревни, так как часто налетающие ураганы не давали гарантии безопасности ни одному предложенному месту. Всё-таки в этом году школа была построена в 30 метрах от нового приходского дома. Но, когда разобрали старую школу и пасторский дом, которые частично защищали церковь, дошла очередь и до неё. 9 декабря 1779 года пастор с большим волнением писал, что прошедший ураган и шквальный ветер на щепки разбили два церковных окна, которые пришлось забить досками. Опасность угрожала и единственным дверям церкви. Закономерно возник вопрос, где хоронить умерших, так как кладбище, которое находилось рядом с церковью, оказалось засыпанным песком почти на метр. На просьбу священника о переносе церкви на другое место, управление дома Гумбинена (Гусев) ответило, что вскоре может случиться так, что и всю деревню Карвайчай придётся переселить, поэтому от перенесения церкви пока придётся воздержаться. Спустя шесть лет, церковь была закрыта, а службу стали проводить в приходском доме.

Эту уникальную трагедию деревни, связанную с наступлением гигантских гор песка, мальчик Людвик Реза наблюдал в своём детстве.

Прошло ещё несколько лет, и в 1789 году новый пастор прихода Карвайчай Шварц (E. Schwarz) записал, что от напора песка церковь совсем покосилась, внутри солнечного света нет, наметы песка достигают крыши, зайти в церковь через дверь можно лишь согнувшись и встав на четвереньки. Хотя прихожане регулярно откапывали двери из наметённого песка, но на другой день его нагоняло ещё больше.

Так как и в самой деревне оставалось немного жителей, приняли решение перенести церковь в один из соседних населённых пунктов. После многих осмотров местности постановили строить новую церковь в Юодкранте. Официально церковь Юодкранте освятили 28 июня 1795 года. Последние записи в церковной книге Карвайчай сделаны 5 октября 1795 года (регистрация крещения) и 16 сентября 1796 года (регистрация смерти). Когда поселение Юодкранте переняло от Карвайчай функции центра прихода, вместо Карвайчай стали в записях отмечать факты истории Юодкранте.

Жители деревни Карвайчай переселились в ближайшие населённые пункты: Юодкранте, Нагляй и Ниду. Незавидную ситуацию погибающей деревни ещё в 1778 году кратко выразил один из чиновников: «Земельный участок заметён песком, хозяин умер, вдова побирается нищенкой».

Миграцию жителей ярко иллюстрирует уменьшение числа школьников: в 1781 году их было 26, 1785 – 13, 1788 – 9, 1791 – 6, 1795 – 2. В 1792 году из 18 ранее живших в деревне семей осталось лишь 4. Поэтому 9 декабря 1792 года было объявлено, что Карвайчай больше нельзя называть церковным центром, её даже деревней не назовёшь. Но на карте Пруссии, составленной в 1796—1802 годах, отмечено, что в

Карвайчай в то время ещё оставались школа и две усадьбы. Одна из них, скорее всего, была корчмой, которую перенесли из деревни последней в 1798 году.

Уровень просвещения в приходе был довольно низким, пока школа Карвайчай была единственной (школы Ниды и Юодкранте были построены позже – в 1744 году, а в Нагляй – 1779 году). Как написано в отчете инспекции за 1742 год, лишь малая часть детей посещала школу. Часть прихожан оправдывались тем, что их дети не могут посещать школу, ибо до неё 1—2 мили (около 10—14 км). Инспектор тогда посоветовал прихожанам взять пример с других приходов, где дети, взявшие из дома еду и напитки на неделю, следуют в школу, а домой из школы возвращаются лишь в субботу. По данным за 1792 год школу Ниды посещали 26 детей, Юод-кранте – 18, Нагляй – 12, Карвайчай – 7. Можно считать, что дела просвещения под конец XVIII века пошли на поправку. Например, по всей Куршской косе во второй половине XVII века были лишь три грамотных человека – пастор Кунцай, учитель Пош и прецептор Михаил Шлик, а уже в первой половине XVIII века в университет Кёнигсберга были приняты 5 студентов – уроженцев Карвайчай. В приходе усовершенствовалась и подготовка учителей. Так в конце XVIII века учителем в Ниде работал портной, а в Нагляй – сапожник. А на начало XIX века известно, что учителями были назначены люди, имевшие высшее образование, которые, если пастор не мог иногда приехать на службу в Ниду или Юодкранте, могли вести за него церковную службу.

Так в общих чертах развивался приход Карвайчай-Юод-кранте во времена детства и юности Резы. Многие из этих явлений частично были судьбоносными и развивались по естественным причинам. Сложное географическое положение и угрожающее природное окружение создали замкнутый круг проблем: с одного лишь рыболовства бедно жившие люди не могли обеспечить нормальных жизненных условий священникам и учителям, были не в состоянии содержать церковь и школу. Это не могло не сказаться на их образовании и религиозном сознании. И если в более ранние периоды из этого замкнутого круга им помогали вырваться государство и соседние приходы, то позже, к концу XIX века, эта самая «мачеха-природа» радикально

изменит вид прихода: из бедного, государством субсидируемого прихода, он станет местом прибыльной курортной идиллии.

Семья, в которой родился Реза, была далеко не самой бедной. Его отец Ионас Реза владел постоянным двором и был смотрителем побережья. Он оказывал помощь потерпевшим кораблекрушение кораблям на доверенном ему участке, присматривал за рабочими, собирающими янтарь. За эту службу власть предоставляла жильё, участок земли, платила заработную плату. По социальному сословию Ио-нас Реза занимал более высокое положение, чем простые рыбаки Куршской косы. На крестинах 14 января 1776 года его сын был записан под именами Людвик и Мартин, крёстными мальчика стали заведующий почтой, староста Шульц и его жена. И, тем не менее, экономическое положение семьи Резы немногим отличалось от жизни односельчан. Биографы Резы отмечают, что свою большую семью отец мог содержать, лишь прилагая большие усилия.

Но даже такая мало благополучная жизнь продолжалась недолго. На семью навалились тяжёлые испытания. В 1778 году от туберкулёза умерла мать Катарина Шарлота Шней-дерин. Через два года отец женился на дочери прецептора из Карвайчай Марии Доротее Бернардин. Однако прожил с ней недолго – умер от туберкулёза в 1782 году. Детей со второй женой не было. Людвику шёл тогда шестой год.

По данным книг прихода Карвайчай, отец семейства Ио-нас Реза с первой женой имел шестерых сыновей и двух дочерей. Людвик был младшим ребёнком. Мачеха Мария Бернардин умерла через семь лет после смерти отца Резы. Оставшись одна, она ещё некоторое время растила детей, постепенно передавая их родственникам. Таким образом, в течение нескольких лет после смерти отца, дети из семьи Резы оказались на воспитании у разных родственников. О судьбе братьев и сестёр Людвика достоверных сведений нет.

Скорее всего, они не получили образования и остались жить в деревнях. Реза много позже, уже работая в университете, иногда оказывал им материальную помощь.

Мальчика-сироту Людвика сначала приютил рыбак Рад-махер из деревни Нагляй, а в 1782 году – дальний родственник отца, почтальон из Росситена (пос. Рыбачий) – Бем. Учитель из Росситена научил его грамоте. Живя у Бема, шестилетний мальчик много работал по хозяйству, пас гусей. На пастбище он брал с собой книжки, но, бывало, зачитавшись, невнимательно следил за гусями и не раз был наказан за нанесённые гусями погромы и убытки. Зато неудержимое стремление Людвика к учёбе и его послушание очаровали дочь Бема и местного учителя. Их усилия и забота позволили мальчику в 1785 году переехать из родной, но бедной Куршской косы, где было пережито много тяжёлых испытаний, к другому родственнику по линии матери – Довиду Витиху, на тот момент прецептору и регенту кирхи посёлка Каукемен (Каукенай, п. Ясное, в устье рукава Немана – Гильге, ныне Матросовки). Он жил в доме мужа сестры матери Кристионаса Довида Витиха до своего пятнадцатилетия. Позже Витих стал известным священником, знаменитым литовским просветителем и знатоком литовской письменности. Как и многие прусские литовские священнослужители того времени, Витих был приверженцем пиетистской школы Галле. В Каукемене школа была устроена значительно лучше, чем на Куршской косе. Да и сам посёлок ещё с 1631 года числился городом, имел корчму, каменную кирху, гостевые дома, почту и торговую площадь, где проводились большие ярмарки, рядом протекала полноводная река Гильге, впадающая в Куршский залив. Здесь Людвик старательно учился шесть лет. Родную деревню Карвайчай в последнем десятилетии XVIII века пески окончательно замели. Приход был перенесён в Юодкранте, школа перешла в Нида, а люди расселились по посёлкам Нида, Юодкранте, Нагляй. Сама родная деревня Резы Карвайчай, которая находилась на два километра севернее современного посёлка Прейла на литовской части косы, исчезла окончательно.

Оценив прилежание и успехи мальчика на занятиях, пастор Витих стал учить своего подопечного латинскому языку. После конфирмации наставник спросил у пятнадцатилетнего

юноши, что он собирается делать в своей дальнейшей жизни. Не зная общего тяжёлого положения дел, обычно скромный парень настойчиво заявил, что желает учиться дальше. У Витиха была большая семья и небольшой доход, он не мог оказать Людвику необходимую материальную помощь. Но при поддержке старых знакомых по Кёнигсбергу Витиху удалось летом 1791 года устроить юношу в дом-приют для бедных Лёбенихта (район Кёнигсберга). Как сирота он получил право бесплатно посещать латинскую школу Лёбенихта, которая имела право посылать своих воспитанников-выпускников в Кёнигсбергский университет. Из трёх центральных районов города (Кнайпхоф, Лёбенихт, Альтштадт), совсем недавно, в 1724 году, объединившихся в единый город Кёнигсберг, Лёбенихт долго оставался наиболее бедным и запущенным. Грязные узкие улицы, явно заметные следы огромных пожаров, то и дело случавшихся во второй половине XVIII века – всё это не создавало радостного настроения у воспитанников приюта.

В латинской школе Резу приняли сначала в четвёртый, самый низкий по тем временам класс. Своим трудолюбием юноша быстро заслужил уважение учителей, но его дорога к образованию не была быстрой и лёгкой. Безденежность заставила его пережить тяжёлые препятствия при страшно бедственном состоянии Лёбенихтского дома-приюта того времени. Лишь на следующий год после перехода во второй класс, Людвику удалось получить право давать частные платные уроки детям из богатых семей, только тогда появились кое-какие возможности нормально питаться и приобретать необходимые книги. Через три года учёбы Реза перешёл в последний класс, и осенью 1794 года, после получения аттестата зрелости, его направили в университет. В латинской школе Лёбенихта Реза выучил греческий и латинский языки, познакомился с ориенталистикой (востоковедением), историей, философией. А шесть десятков лет до этого, похожий тернистый путь в университет прошёл и будущий главный герой филологических трудов Резы – Кри-стионас Донелайтис, только его приют и латинская школа для бедных находились в Кнайпхофе.

Глава 2. Студенческая юность

Людвик Реза стал студентом Кёнигсбергского университета в 19 лет. Он поступил на факультет богословия 25 марта 1795 года. Редко кому из уроженцев бедных деревень удавалось поступить в университет, это само по себе было большим успехом юного Резы. Первое упоминание его имени в имматрикуляционных списках университета относится к зимнему семестру 1794—95 учебного года. Реза, как до него Донелайтис, были возрастными студентами. Его одногодки Э. Т. А. Гофман и Теодор Гиппель младший стали студентами в 16 лет, как ранее и их профессор Кант. Кёнигсбергский университет играл огромную роль в жизни города и края, а после кантовского периода и завершения наполеоновского нашествия начался настоящий расцвет наук в университете. Кёнигсберг – старейший университетский город к востоку от Праги и Кракова. Классический средневековый университет, в составе 4-х факультетов: философского, медицинского, юридического и теологического, был основан 17 августа 1544 года герцогом Альбрехтом Прусским. Однако студенчество Резы пришлось на далеко не самый лучший период жизни университета. Кант и другие старые профессора уже завершали свою карьеру, а молодые гении, составившие славу университета после наполеоновских войн, ещё и не помышляли о профессорстве в Кёнигсберге. Разве что ученик Канта профессор Краус уже стал главой кафедры камеральных наук в 1795 году и в этот период расширил научный диапазон университета.

В списке имматрикуляции национальность Резы не указана, лишь отмечено, что он родился в Пруссии в деревне Кар-вайчай. Сам Людвик Реза свою национальность официально огласил значительно позже, в автобиографии, которую он составил в 1810 году и представил в университет Кенигсберга. В документе он указал, что происходит «из литовского рода», к которому принадлежал его отец Йонас Реза, говоривший на литовском языке. В университете Людвик Реза считался литовцем, это видно из письма академического руководства, в котором указано, что в том же 1810 году Реза назначен экстраординарным профессором и инспектором семинара литовского языка. В этом письме говорится:

«Уважаемому мужу М. Людвику Резе, карвайчайскому литовцу, во внеочередном порядке доверить область теологического образования вместе с инспектированием семинара литовского языка».

Позже появились другие версии происхождения Резы. Первая из них гласит, что он по национальности курш. Такого мнения придерживались Ф. Тетцнер, А. Бруожис, Ви-дунас и др. Данная гипотеза базировалась на том, что в фамилии Резы присутствует буква «Z», вместо характерного для литовского языка «z» (читается как «ж»), это, якобы, и указывает на его куршский, а не литовский род. Но есть неоспоримое утверждение самого Резы, что он литовского происхождения. Ещё менее аргументирована версия, которая доказывала, что Реза немец.

В университете Людвикас Реза выбрал изучение теологии. Поступить на этот факультет ему мог посоветовать пастор Витих. Но и тяжёлые бытовые условия и крайняя бедность тоже подталкивали юношу к такому выбору. Так что, выбор Резы был неслучаен и характерен для бедных студентов того времени. Вспомним, что и учившийся на полвека раньше Кристионас Донелайтис выбрал теологический факультет, да и для Иммануила Канта первоначально была уготована такая же участь. Здание университета в те времена располагалось на острове Кнайпхоф. Оно стояло углом вдоль русла Новой Преголи, образуя общий двор с Кафедральным собором, который служил приходским университетским храмом. Главным проповедником Собора, как правило, был декан теологического факультета университета.

Годы учёбы Резы в университете совпали со временем, когда прусская монархия не участвовала в войнах. Скорее всего, до студентов-теологов не доходила немецкая якобинская пери-

одика, однако в академической жизни, как среди студентов, так и профессоров, росли антифеодальные настроения. Так в 1795 году, когда Реза поступил в университет, была создана комиссия для слежки за тайными обществами студентов. А юноша, родившись в небогатом сословии и постоянно нуждавшийся, не мог остаться равнодушным к антифеодальным настроениям.

В университете Реза учился с упоением. Основным методом обучения в конце XVIII века оставались лекции, которые профессора читали в здании университета на острове Кнайпхоф или у себя дома. Это касалось и учебных семинаров по конкретным предметам. Дискурсы, для которых были жёстко определены порядок и обязательные участники, проходили в здании университета, который всё ещё оставался строго лютеранским.

В конце предпоследнего года учёбы Реза уже получал бесплатное содержание в студенческом общежитии, называемом Кипкеанимум потому, что его организовал профессор Кёнигсбергского университета Георг Кипке. Резу также поддерживал университет, оказывая гуманитарную помощь. Когда же ему удавалось получить ещё частные уроки, он мог с горем пополам обеспечить свою жизнь. Такой, более лёгкий, каникулярный период был у него перед последним курсом, летом 1798 года.

Наряду с теологической наукой, в университете Реза изучал античные языки, литературу, риторику, слушал лекции по истории, но больше всего любил философию и восточные языки. Сильное воздействие на становление личности Резы имели профессора его любимых предметов: философ Иммануил Кант (1724—1804), ориенталист Иоганн Хассе (1759—1806), историк и риторик Карл Мангельсдорф (1748—1802) и Кристиан Якоб Краус (1753—1807), читавший курс по экономическим и административным вопросам. В университете Резу от других предметов отвлекали очень полюбившиеся ему ориенталистские занятия под руководством профессора Хассе, хотя он также прилежно посещал последние лекции Канта и очень интересный курс Крауса. Позже этим трём профессорам Реза выразил своё большое почтение, сочинив для них эпитафии. Также существенное влияние на развитие Резы оказали профессора факультета: Карл Мангельсдорф – профессор риторики и истории, а позже и поэзии; Сэмюэль Готлиб Вальд – профессор богословия, а позже ещё и ближневосточных языков и декан теологического факультета; Готхильф Кристиан Реккард – профессор теологии с огромной эрудицией в догматическом богословии; Иоганн Эрнст Шульц – профессор теологии, специалист по вопросам морали в богословии; Иоганн Кристоф Греф – профессор церковной истории и церковного права; Карл Людвиг Першке – профессор поэзии, педагогики, истории и практической философии. Все они были учениками Иммануила Канта, людьми широкого кругозора, служившими для Резы не только учителями и проводниками в его студенческие годы, но и образцами для построения жизненных планов.

Обязанности руководителя университета во времена студенчества Резы исполняли: Кристоф Эльснер, Карл Ройш, Иоганн Шульц, Георг Гольтцхауэр, Иоганн Метцгер, Кристиан Якоб Краус, Теодор Шмальц.

О классике немецкой философии Канте, который при поступлении Резы в университет был на должности декана факультета философии, и о профессоре «практической философии» Краусе можно сказать, что они сильно повлияли на формирование антифеодальных настроений Резы.

Профессор теологической философии, ориенталист Хассе, стал одним из самых близких людей Резы в университете. Он преподавал не только восточные языки, но был хорошим специалистом по античной литературе. В то время изучение античной литературы в университете Кёнигсберга было в упадке. Греческий и латинский языки служили тогда почти исключительно теологии. И тогда при помощи Хассе и, возможно, по его совету Реза начал более глубоко знакомиться с античной литературой. Этот профессор мог пробудить заинтересованность старательного студента к трудам ещё одного воспитанника кёнигсбергской Альбертины –

Иоганна Гердера (1744—1803), у которого прежде учился сам. Основное направление занятий Хассе – исследование древностей. В 1799 году, на момент окончания Резой университета, он выпустил книгу, в которой доказывал, что Пруссия была колыбелью человечества, а полуостров Земланд – едва ли не утраченный библейский рай. Видимо, именно Хассе первым познакомил Резу с новейшими исследованиями восточных стран и с неологией, которая, опираясь на прогресс науки, стала препарировать старые религиозные догмы. В одно время профессора Хассе обвиняли в неологической еретичности, поэтому он должен был объясняться и притворяться ортодоксом.

Скорее всего, эти взгляды Хассе оказали на студента Резу значительное влияние. Как раз Хассе посоветовал Резе идти по пути науки. Желания самого Резы совпадали с этим, но страшная бедность, безнадёжность, постоянный поиск заработка, должности приват-доцента или неоплачиваемого экстраординарного профессора не позволяли ему отказаться от изучения теологии, чтобы быстрее подготовиться к работе священника. Исполнения своих желаний Реза ждал долгих шестнадцать лет: лишь в 1816 году он оставил должность армейского проповедника и посвятил себя только университету и науке.

Большое место в студенческой жизни Резы занимал семинар литовского языка. Об этом университетском семинаре юный Реза, скорее всего, слышал от своих близких ещё до приезда в Кёнигсберг. Ведь его дальний родственник Довидас Готфридас Зудноховиус, который до самой смерти служил пастором в Карвайчай, в университете изучал теологию и был доцентом семинара литовского языка. Правда, он умер, когда Резе было всего пять лет, но предания в семьях передаются долго. Кроме того, ему могла быть известна грамматика литовского языка, подготовленная Повиласом Руйгисом на основе незавершённой работы своего легендарного отца Пилипаса Руйгиса (пастора прихода Валтеркемис, ныне пос. Ольховатка, Гусевского района), напечатанная в Кёнигсберге в 1747 году. На титульной странице книги автор себя называет доцентом литовского семинара Кёнигсберга. Во время учёбы Резы в университете инспектором семинара литовского и польского языков был дворцовый проповедник, епископ, заседатель консистории, профессор теологии Иоганн Шульц (1742—1806), по происхождению из Западной Пруссии, не знавший литовского языка. Этот руководитель семинара был назначен по распоряжению короля Пруссии 21 сентября 1778 года и пробыл им до смерти весной 1806 года. Вначале руководимый Шульцом семинар литовского языка имел высокую посещаемость, однако новый инспектор его полностью запустил. В 1792—1794 годах семинар пришёл в упадок, его посещали лишь 4—6 слушателей немецкого происхождения. Практические занятия по грамматике не проводились, семинаристы не разделялись по знанию языка на начинающих и уже шагнувших вперёд, сократилось содержание обучения: семинаристы не готовили занятия по катехизисам и проповедям на литовском языке, часто занятия не проводились. Это был самый глубокий кризис в истории семинара. Таким семинар нашёл девятнадцатилетний Реза, который 25 марта 1795 года поступил на Теологический факультет Кёнигсбергского университета. В списках студентов семинара, того времени, лишь у его фамилии было указано – литовец. Списков за 1795—1797 годы не найдено, фамилия Резы обнаружена лишь за летний семестр 1798 года. Однако архивные источники показывают, что он уже в зимний семестр 1797 года был доцентом семинара литовского языка (в то время слово «доцент» обозначало не учёную степень, а «учитель»). Доцентом он был назначен из-за хорошего знания литовского языка. Доцент семинара получал специальную стипендию королевской ренты – 26 талеров 20 грошей в год. Такая материальная поддержка была очень нужна Резе. Он преподавал на семинаре 4 семестра, с зимнего семестра 1797 года по зимний семестр 1799 год. На сегодняшний день исследователям не удаётся установить всех слушателей доцента Резы этого периода. Сохранившиеся списки показывают, что его лекции на семинаре литовского языка в 1797—1799 годы посещали следующие студенты теологического факультета:

– Йоганнас Кристионас Хиршас из поселка Балетай (поселок Садовое, Озёрского района), некоторое время он был третьим доцентом семинара, позже работал пастором в приходах Пруссии;

– Самуил Теодор Ципелис из Нубуржай – второй доцент семинара (позже, когда он был литовским проповедником в Кёнигсберге, несколько месяцев заменял директора семинара Резу, отправившегося на войну с Наполеоном в качестве капеллана, помогал ему подготавливать религиозные тексты и собирал фольклор);

– Отто Ульрих Зетегастас из Прекуле – после университета работал пастором в Бержкальнис (поселок Гремяче, Черняховского района), Немеркемис (поселок Маяковское, Гусевского района, Неммерсдорф) и в других литовских приходах, распространял там литовские книги.

Лекции молодого Резы тогда слушали и другие, менее известные будущие пасторы литовских приходов. Читать и переводить Реза учил своих ровесников на текстах из Литовской Библии, подготовленной Йоганом Якобом Квантом, а основам литовского языка – на текстах из грамматики Да-ниеля Клейна (1653) и Пилипаса Руйгиса (1747). Однако, как видно, у начинающего доцента не всё получалось хорошо, ибо до короля дошли известия, что работа и дисциплина в семинаре пошатнулись. Король обязал профессоров Кёнигсбергского университета Георга Сигизмунда Хенига и Самуэля Готлиба Вальда лично проверить работу руководителя семинаров литовского и польского языков профессора Шульца и его доцентов. Во время проверки обнаружилось халатное отношение руководителя семинара: выяснилось, что Шульц сам не участвует в практической работе семинара, не готовит материалы к экзаменам, не заботится о библиотеке, даже не способен предъявить документы по деятельности семинара, не может объяснить, кому выделена часть стипендий семинара. Были опрошены и доценты обоих семинаров – Матияс Чиганас и Людвикас Реза. Они также подтвердили, что инспектор Шульц не заботится о семинаре, а слушатели собираются лишь затем, чтобы совсем не забыть литовский язык. Проверяющие подготовили и провели для доцентов экзамен по литовскому и польскому языку. Оба молодых человека на глазах комиссии должны были перевести с немецкого языка псалом Давида: Чиганас – на польский, Реза – на литовский язык. Так как в Кёнигсберге не было хорошего знатока литовского языка, а члены комиссии сами его не знали, проверяющим литовского текста был назначен Готфрид Остермейер, автор новейшей грамматики литовского языка. Мы ещё не раз обратимся к имени этого человека, поэтому остановимся подробнее на его жизни.

Готфрид Остермейер родился в Мариенбурге (ныне Маль-борк, Польша), в бывшей резиденции гротсмейстеров Тевтонского ордена, 20 апреля 1716 года. Его отец ремесленник-кожевник приехал из Саксонии. Он был женат на Елизавете Войткан, возможно, имевшей литовские или прусские корни. Будучи учеником мастера-кожевника, мальчик проявил большие способности и был в двенадцатилетнем возрасте отправлен учиться в Торунскую гимназию. В 1737 году Готфрид поступил в Кёнигсбергский университет на теологический факультет, где посещал семинар литовского языка. Денег для обучения ему не хватало, он несколько раз прерывал обучение – работал в различных приходах, в том числе поблизости от Шилуте у пастора Калана. В университете и в приходах он усиленно занимался изучением литовского языка. Здесь же он женился на Оне Регине, дочери пастора Калана. После окончания университета в 1744 году его направили работать учителем в Тремпен (Новостроево). Приход Тремпена был известен в Пруссии с XVI века, здесь жил пастор Иоганн Портациус со своей молодой женой Анной Неандер (легендарной Анхен из Тарау). Первым пастором прихода стал Йонас Тартила (нем. Иоганн Тартила-Батоцки). Вскоре после него пастором прихода стал Бартоломеус Виллент (двоюродный брат и публикатор Мартинаса Мажвида-са), переводивший на литовский язык религиозные сочинения. А перед самым приездом Остермейера в Тремпен там уже в течение 30 лет работал учителем и пастором один из первых собирателей литовского фольклора, лексикограф Йокубас Бро-довскис (нем. Якуб Бродовски, 1692—1744 г., родом из Голь-дапа,

похоронен у кирхи в Тремпе). Начиная с 1744 года, в течение восьми лет Остермейер работал учителем в школе, а в 1752 году получил место пастора в местной кирхе. Литературной деятельностью он начал активно заниматься после 1780 года, оставшись вдовцом. Но его первая значительная статья была напечатана в 1755 году, она называлась «Критические замечания о религии древних пруссов». В этом же году в Кёнигсберге вышел его перевод с немецкого языка сборника наставлений и молитв «Agenda». В 1780 году в Кёнигсберге вышла ещё одна его книга «Мысли о древних жителях Прусской земли». Эти книги вызвали ожесточённую дискуссию в научной среде. Через год в Кёнигсберге был опубликован литовский песенник «Святые песнопения, исполняемые в церкви и дома», над которым Остермейер долго работал. Этот песенник вызвал большую полемику с Готлибом Милкусом, длившуюся 13 лет. Считается, что это первая серьёзная полемика по вопросам литовской письменности. По теме дискуссии Остермейер написал несколько десятков статей на немецком языке. В 1791 году в Кёнигсберге был издан его важнейший труд «Литовская грамматика», а ещё через два года – его большая фундаментальная работа «Первая история литовских песенников», где он рассматривал творчество всех известных на тот момент литовских поэтов – авторов песен. Труды отца продолжил сын, Зигфрид Остермейер, родившийся 23 октября 1759 года в Тремпе, а с 1776 года учившийся на факультете теологии Альбертины, посещавший семинар литовского языка и на старших курсах там преподававший. После окончания университета, Зигфрид работал пастором в Вилюнай (поселок не сохранился), в Шиллеленай (Победино, Краснознаменский район), а с 1804 года и до самой смерти в 1821 году – в Плибиш-кин (Глушково, Черняховского района). Зигфрид собирал литовские песни и фольклор, тесно сотрудничал с Резой.

Деятельность деда и отца продолжили три сына Зигфрида Остермейера – Натанель, Фридрих и Зигфрид. Натанель родился в 1784 году в Вилюнай, успешно учился в университете и ещё студентом преподавал в школе Лёбенихта. Работал в Эльбинге, в Кинтай, а с 1815 года – пастором в Кальнинкенай (Прохладное, Славского района). С его именем связана активизация деятельности миссионерского общества Кёнигсберга и рождение литовской периодической печати. С 1827 года и до смерти в 1846 году Натанель работал пастором в поселке Будвейчай (Маломажайское, Неманского района). В 1823 году в Тильзите (Советск) под редакцией Натанеля и его усилиями вышел первый номер первого периодического издания на литовском языке – альманаха «События в царстве Божьем». Альманах выходил несколько раз в год. В каталоге библиотеки Резы числятся два этих издания 1823 и 1825 годов. Альманах выходил на средства Натанеля Остермейера и на пожертвования, которые ему удавалось собрать в помощь печати. Из-за ограниченности средств и усиливающегося давления властей, альманах после 1825 года больше не выходил. К сожалению, на сегодня не сохранилось ни одного экземпляра этого уникального издания.

Второй сын Зигфрида Остермейера – Фридрих (1786|1855) окончил Кёнигсбергский университет и работал сначала кантором в Сталлупенай (Нестеров), затем пастором в Юодкранте и затем, до самой смерти в 1855 году в посёлке Бильдервейчай (Луговое, Неманского района). Он переводил проповеди на литовский язык, которые впоследствии были напечатаны в Берлине в известной книге «Евангелические мессы» – в самой большой книге по формату, изданной в XIX веке на литовском языке.

Третий сын Натанеля Остермейера – Зигфрид (1795|1832) учился в Кёнигсбергском университете, но не окончил его. Он работал учителем в Лаукишкенай (Саранское, Полесский район), Пливишкенай (Глушково, Черняховский район) и затем в Тремпе, где всю жизнь проработал его знаменитый дед, там же родился и провёл юные годы его отец. Зигфрид занимался сбором литовских песен и фольклора, был знаком и тесно сотрудничал с Резой, когда тот готовил к публикации свой знаменитый сборник песен.

Итак, письменная экзаменационная работа Резы была послана в посёлок Тремпе (Новостроево) к знатоку литовского языка, работавшему там, Готфриду Остермейеру. Он чер-

нилами отметил на листах работы соискателя более сорока ошибок лексики, синтаксиса и стилистики, но все-таки внизу листа написал положительную рекомендацию:

«Если господин Реза более усердно поучит грамматику, ему можно будет доверить место доцента семинара. Самый лучший метод его стимулирования – поручить ему учить грамматике других». Отчёт комиссии и работы доцентов были отосланы королю 30 мая 1797 года. В отчёте предлагалось оставить Резу в должности доцента семинара литовского языка. Так студент Реза продолжил учить своих коллег-студентов, пока сам не окончил университет. На сегодня больше материалов о деятельности студента Резы в качестве доцента семинара пока не найдено. После смерти Шульца и до второго десятилетия XIX века семинар не имел постоянного руководителя и распался дальше, пока Реза вновь не вернулся в семинар.

Во время учёбы в университете Реза проникся любовью к поэзии: «Желая побудить свою душу, наряду с серьёзными предметами теологии и философии, я стал заниматься более приятными вещами – в свободное время читал произведения древних поэтов», – писал Реза в автобиографии. Особенно очаровал его идиллический древнегреческий поэт Феокрит (ок. 300—260 до н. э.). Почувствовав острое желание писать и ощутив свой поэтический талант, Реза начал сочинять стихи. Стихи, датируемые 1797 годом, скорее всего, можно считать его первой творческой попыткой. Это была поэзия идиллическо-сентиментального направления. Особенно плодотворными в поэтическом смысле стали для него студенческие каникулы 1798 года. Позже Реза назовёт это время самыми «поэтическими» годами своей жизни. В сборнике «Пятнадцать немецких песен», вышедшем в 1799 году, среди произведений нескольких поэтов, были напечатаны шесть стихов Резы. Ноты к этому сборнику сочинил один из самых близких друзей Резы – музыкант Вильгельм Йенсен, позднее ставший знаменитым органистом Кёнигсберга, композитором и педагогом. Возможно, во время учёбы Реза участвовал в работе литературного кружка.

В созданных за годы учёбы в университете стихотворениях, очень сильно лирическое начало, что позволяет соответствующим образом определить настроение Резы того времени и его окружения. Ему не были чужды горячие молодые помыслы и благородные стремления. На поэта воздействовало широко распространённое тогда сентиментальное мироощущение.

Для понимания настроений Резы очень важны его воспоминания о годах учёбы. Когда Реза в 1813 году в ходе военного похода в Европу, будучи армейским капелланом, в городке Шлохау неожиданно встретил однокашников, в своём дневнике он записал:

«Это был заседатель юстиции Калау, с которым когда-то мы жили под одной крышей, вместе ели и пили. Друг друга увидеть, узнать, назвать именем – дело одного мгновения. Мы стали ещё более счастливыми, когда через несколько часов нас нашёл третий однокурсник – Лавренц, теперь помещик. Какая радость встретиться после долгой разлуки! Прошло почти пятнадцать лет после окончания университета. Когда-то бывшие юноши и свободные сыновья муз – сегодня мужи с хорошими должностями и службой. Но настоящее вдруг исчезло: мы опять стали юношами, жили своей академической жизнью, без стеснения и весёлыми шли в свои аудитории; опять ожили умершие учителя, разъехавшиеся друзья собрались на кафедрах Канта, Крауса, Мангельсдорфа. Мы опять праздновали свой союз и пели старые песни дружбы».

Так может написать только человек, хорошо знающий, что такое студенческая жизнь и дружба.

К сожалению, не так много известно о студенческой жизни Резы и его связи в это время с литературной жизнью. Без сомнения, в то время он познакомился с языковедческими работами Пилипаса Руйгиса и Готфрида Остермейера. Эти книги Реза мог найти в семинаре литовского языка, который он посещал и в котором, будучи ещё студентом, преподавал. Он должен был знать и другие труды Готфрида Остермейера – по вопросам мифологии, этнографии, литовской и прусской истории. Они в последней четверти XVIII века были напечатаны

в отдельных книгах и в периодической печати. Кроме того, в конце XVIII века Кёнигсберга достигли идеи возвышения народной культуры, распространённые литераторами движения «Буря и натиск». Среди ключевых деятелей движения были кёнигсбержцы Иоганн Георг Гаман (1730—1788), Иоганн Готфрид Гердер (1744—1803), а также Иоганн Вольфганг Гёте (1749—1832) и Фридрих Шиллер (1759—1805). Поэтому Реза уже в университете приблизился к жизни литовской литературы. В 1800 году он сочинил стихотворение «Утонувшее кольцо», впервые используя в своей лирике мотивы литовской народной поэзии.

Успешно сдав экзамены, Людвикас Реза в 1799 году окончил университет.

Глава 3. Капеллан и учёный. Наполеоновские войны

После окончания университета Реза, как и многие тогдашние выпускники (в том числе и Кант), стал домашним учителем. Девять месяцев он учил детей в имении аристократа Х. Ауэра, неподалеку от Кёнигсберга (ныне пос. Чкаловск, Танненвальде. Эту усадьбу в 1662 году приобрёл главный окружной начальник Бальги и Инстербурга Людвиг Фон Ауэр, и до 1945 года имение было собственностью этого семейства). А уже в 1800 году Реза получил приглашение на работу капелланом (военным проповедником) в Кёнигсбергском гарнизоне. В этом же году в Потсдаме его посвятили в сан священника, необходимый для службы в этой должности. С началом работы в должности капеллана Кёнигсбергского гарнизона Реза получил служебную квартиру во Фридрихсбургской крепости (ныне в сохранившихся воротах этой крепости на улице Портовой работает филиал Музея Мирового океана). Квартира в крепости была холодной и значительно удалена от замка и университета у Кафедрального собора, но зато за неё капеллану не надо платить, что для молодого человека было очень важно. В крепости Фридрихсбург Реза прожил не менее 12 лет, а в последние годы, для удобства студентов, вынужден был снимать квартиру в центре города, ближе к университету.

Время армейской службы Людвикаса Резы пришлось на период Наполеоновских войн. Когда Наполеон только появился на арене истории, Реза был уже юношей и имел возможность внимательно следить за действиями и походами корсиканца. У него было время подумать о возможном военном конфликте между Францией и Пруссией.

Кроме прямых обязанностей проповедника в Кёнигсбергском гарнизоне, Реза кропотливо готовился к академической работе – продолжал изучать философию, историю, древнееврейский, халдейский, арабский языки. Именно в это время он начал активно собирать личную библиотеку. Например, выписал «Руководство по Прусской истории, описание земель и статистики», которое издавал историк Людвиг фон Бачко («Handbuch der Geschichte, Erdbeschreibung und Statistik Preussens», 1802) и где была подробно описана история прусских, литовских и польских земель.

Начало научной, литуанистической деятельности да и собственного поэтического творчества Резы пришлось на время французской оккупации Пруссии, которая продолжалась с 1806 по 1813 год. Параллельно армейской службе Реза упорно готовил диссертацию, в начале 1807 года он представил её, а защитил 17 апреля в Кёнигсбергском университете. В диссертации молодой учёный, на основе положений философии Иммануила Канта, объяснял интерпретацию понятия морали в Святом Писании. Реза ещё успел застать Канта действующим профессором Кёнигсбергского университета, а к защите диссертации в 1807 году знаменитый философ уже три года как умер. Во время учёбы в университете Реза старательно посещал его лекции. За эту диссертацию на латинском языке ему была присвоена степень доктора философии и дано разрешение преподавать восточные языки и предметы церковной истории на правах нештатного доцента. Диссертация Резы написанная на латыни называлась: «De librorum sacrorum interpretatione morali, e Kantio commendata» («Толкование морали в Священном писании с позиций кантовского учения»). Руководителем диссертационной работы Резы был профессор Август Вильгельм Кебер. Рецензентами были Иоганн Теофил Буюк и Эдвард Леопольд Шульц.

Эта диссертация даёт представление о том, насколько сильным и широким было влияние работ и образа жизни Иммануила Канта на деятельность Резы. Эта диссертация – один из самых главных источников, освещающих философские взгляды Резы. Защита диссертации в университетах Прусского королевства XVIII века была нужна не только для подтверждения научной компетенции соискателя, но и для того, чтобы раскрыть и обосновать его мировоззренческую позицию. Такая мощная заявка на работу в университетском мире должна

была ещё совпадать с текущей академической конъюнктурой университета. Этим проверялась и научная компетенция кандидата на профессорское место и то, усилит ли он идеологическую позицию, занятую теологами университета. Перед тем, как публично защитить диссертацию, кандидат должен был сдать самый сложный экзамен. Позже Реза в своей автобиографии напишет, что на подготовку к экзамену он выделял всё своё свободное время, которое оставалось от работы в должности капеллана: «Я семь лет прилежно изучал теологию и философию в надежде работать в нашей Академии преподавателем». Рассказывая о приложенных усилиях для получения места профессора теологии, он вспоминал заседание коллегии факультета, как «испытание и строгий экзамен». В университете Кёнигсберга на стыке XVIII и XIX веков сформировалась самобытная политическая академическая конъюнктура, на которую сильно повлияли реформы, проходившие в крае.

Это напрямую связано и с работой университета, особенно с изменениями в учебных планах по теологии и философии. В Пруссии и в университете Кёнигсберга существовали разногласия между пиетистами и лютеранами-консерваторами, а ещё и борьба этих религиозных лагерей с формирующимися идеями Просвещения, которая продолжалась несколько десятилетий. В первой половине XVIII века изменения в Кёнигсбергском университете были связаны с решением короля Пруссии Фридриха Вильгельма I, правившего до 1740 года, утвердить религиозность в стране, особенно в местах концентрации литовского населения. Король пытался в этом восточном крае, утонувшем в «варварстве», развивать нравственность. Для этого он считал важным готовить священников-пиетистов, чтобы «превратить в христиан» жителей, которые, по мнению короля, якобы, ничего не ведают о Боге. Король инициировал активную реформу по подготовке священников с усиленным религиозным преподаванием. Отметим, что Донелайтис как раз учился в Кёнигсбергском университете в 1736—1740 годах, именно в то время, когда на факультете Теологии более активно и воинственно в течение столетия действовали пиетисты. Возможно, что за появление поэмы «Времена года», мы напрямую должны быть благодарны пиетистской реформе просвещения короля. Кёнигсбергский университет, готовивший священников и будущих учителей, оказался в третьем десятилетии XVIII века на острие реформ. До того времени в Кёнигсберге преобладали ортодоксальные представители лютеранства. Король в них не увидел дельных «оживителей» края и «укрепителей» религии, поэтому в университет направил активных пиетистов из университета Галле, в котором у них были крепкие позиции. Пиетисты акцентировали чтение Писания и толкование Слова, как намного более важное, чем обряды. Пиетизм сформировался как движение, своеобразным образом понимающее практику лютеранской веры – как индивидуальную набожность. Из-за разного отношения к практическим методам вероисповедания, различалось и законоположение пиетистов и консерваторов по поводу важности теологических дисциплин, но это была борьба больше между этими течениями, а не по вопросам теологии. Более того, возвышение пиетистов в университете поддерживалось политической властью, её желанием утвердиться, так как пиетисты были её опорой – они действовали как мост между властью (монархом) и всеми членами общества, как равными подданными короля. Хотя консерваторы и проиграли пиетистам, но они всё-таки сохранили довольно сильные позиции в университете.

Оба религиозных лагеря в Кёнигсбергском университете столкнулись в этот период с другим вызовом, создавшим новое напряжение, – со всё более утверждающимися идеями Просвещения и его влиянием на теологию. Эти обстоятельства были важны для диссертации Резы, так как её тема напрямую связана с эпизодом борьбы с Просвещением в Кёнигсбергском университете.

Уже на первых шагах Просвещения было сформулировано положение, что разум – надёжный путеводитель человеческой жизни, опора морали и совершенствования человека. Там, где раньше как основная опора доминировал Бог и его связь с человеком, теперь место заняли разум и индивидуальные решения человека. Поэтому сторонников Просвещения часто

называли безбожниками. Многие из них были далеко не атеисты, но ставили Бога и церковь во второй ряд путеводителей жизни человека. С Просвещением больше всего воевали лютеранские и кальвинистские консерваторы, а так же те, кого заботила религиозная жизнь. У пиетистов для такой борьбы было меньше теоретических аргументов, и, углубляясь в полемику, оба религиозных лагеря перенимали друг у друга много просветительских идей, хотя и осыпали упреками друг друга. Первой самой яркой жертвой борьбы за Просвещение стал известный философ, профессор Христиан Вольф, преподаватель университета Галле, где неприемлемым стало его убеждение, что моральное усовершенствование опирается на человеческий разум – пиетисты его уволили с работы. Вскоре за это же был уволен и профессор Кёнигсбергского университета Христиан Габриэль Фишер. Король выслал учёного, дав ему 24 часа, чтобы он покинул Кёнигсбергский университет, и 48 часов, чтобы уехал из Пруссии. Эти события привели в возмущение весь Кёнигсберг. Таким образом, приход каждого нового человека на теологический или философский факультет со своими идеями значил символическую победу одной или другой фракции, где общая политика факультета некоторое время определялась не только по компетенции, но и по численному превосходству одной или другой группы. Текст диссертации Резы и её защита были связаны с анализом такой позиции и с её аргументацией. Эти обстоятельства очень важны, чтобы понять содержание диссертации Резы.

В диссертации соискатель сосредоточился на идеях, которые профессор Кёнигсбергского университета Кант изложил в произведении «Религия в пределах только разума». Философские рассуждения о религии появились как раз тогда, когда борьба с идеями Просвещения в Пруссии достигла наивысшей активности. Цензура это произведение запретила, а Канту – последнему знаменитому философу эпохи Просвещения и европейскому философскому авторитету, было запрещено публично высказываться на темы религии, для него даже была реальной угрозой потерять работу в университете. Как раз во времена этой напряжённости Реза учился в университете, и все эти события развивались на его глазах. Кант хотел, чтобы его трактаты пропустила цензура других университетов. Он понимал, что может свой университет поставить в неудобную ситуацию. Но, не договорившись с другими университетами, он вручил своё произведение Теологическому факультету Кёнигсбергско-го университета и тогда цензура его благосклонно оценила. В 1793 году работа «Религия в пределах только разума» была напечатана. Произведение стало популярным, через год вышел второй выпуск, в котором Кант эмоционально высказывает критику по поводу централизованной цензуры. Он писал, что случается, когда, руководствуясь одной лишь Библией, теолог вторгается в сферу науки: «всё вокруг себя превращает в пустыню, такой теолог запрещает все исследования интеллекта человека». Кант выражает свою просветительскую позицию, защищая научную автономию «философской теологии». Обсуждение выражения религии в границах Кантовского ума было краткосрочным. В октябре 1794 года Кант получил от главного цензора Виольнера специальное распоряжение короля, запрещающее это произведение. Философу запретили читать лекции на религиозные темы, а всем доцентам и профессорам Кёнигсбергского университета было запрещено на лекциях ссылаться на его произведения. Запрет обозначал, что университет получил от власти часть большей ответственности и часть немилости. Для политической власти это означало, что у университета нет твёрдости в следовании религиозным основам Прусского королевства. Тем более что за университетом уже велось наблюдение по поводу нарушения дисциплины, якобы из-за новых идей, особенно, свободного поведения в отношении религии. Так, широко разошлась история о том, как студенты-теологи во время святой службы зажигают трубки от алтарных свечей. Запрет своего произведения «Религия в пределах только разума» Кант считал большим личным унижением, а более того – ударом по автономии философии. Новый король Фридрих Вильгельм III (годы правления 1797—1840) хотя бы в начале правления ослабил цензуру, но Просвещение далеко не было реабилитировано. Свобода Канта философствовать (видимо из-за его известности) явно не ограничивалась, но работа «Религия в пределах

только разума» была переиздана только нескольких десятилетий спустя. Репутация университета и его открытость Просвещению сохранялись и потому жизнь университета оставалась под тщательным наблюдением. Это напрямую связано и с тяжелой финансовой ситуацией, в которой Кёнигсбергский университет оказался уже в год смерти Канта. Профессорские оклады были скудными, из-за этого долго не находили соответствующую кандидатуру на место профессора философии, оставленное Кантом. Редко кто «соглашался с маленьким окладом профессора». Обычно они работали в двух-трёх местах. Когда Реза претендовал на место в университете и защищал диссертацию, университет переживал весьма трудные времена. Вот слова свидетеля того времени: «деканам факультетов было указано следить, чтобы в диссертациях не появлялись новшества». Хотя это касалось естественных наук, но действовало и в общем плане. Хотя от диссертации Резы не следовало ждать неожиданных идей, но зато в ней могла быть позитивная концепция по отношению к кантовским идеям: Кант был мировой известностью, которым Реза лично восхищался, даже если его идеи о религии совсем недавно были политически запрещены. Он уважал Канта за интеллект и ставил его в ряды самых великих философов человечества. Это видно не только из диссертации и замечаний в позднем дневнике, но и эпитафии, написанной им после смерти Канта. Прошло несколько лет и в «Прутене» Реза напечатал новую редакцию версии эпитафии.

После смерти Канта в 1804 году в Пруссии его стали забывать. К этому привело и тесное соприкосновение его философии с нежеланным в Пруссии этого времени Просвещением. Заново его стали открывать лишь в середине XIX века. Лозунг «Назад к Канту!» задействовал философию религии. В 1838 году в третий раз была издана работа «Религия в пределах только разума». Выбор Резой данной темы диссертации показывает, что в Кёнигсберге Кант всегда оставался великим философом. В те времена, обычно, на смерть известных людей писали оды. Таких стихотворений было много, Реза тоже написал поэму, назвав её «Преголя рыдает по Иммануилу Канту». Эта поэма – одно из самых ярких поэтических произведений, написанных Резой. В ней он прославляет разум Канта и его неординарность, причисляет его к «великим мудрецам» и «народным вождям». Он рассказывает, как он видит покойного Канта, поднимающимся к трону Божьему, а вокруг него собирающихся мудрецов древности: Сократа, Платона, Зороастра, Коперника, Бэкона, Ньютона. Там он видит коронацию: профессору на голову надевают корону из пальмовых веток, а живые эту сцену наблюдают из тёмной долины. Знак великого уважения Канту и те слова, которые Реза посвящает философу, – самые высокие отблески той самой оценки, которая есть и в тексте диссертации, где идеи Канта связываются с философией Платона, а для полемики Реза привлекает Мозеса Мендельсона и апостола Иоанна Богослова. Идею чистого разума Канта соискатель приблизил к лично представляемому Богу. В политическом и академическом мире во избежание обвинений в неприемлемом влиянии на теологию со стороны Просвещения человеку, старавшемуся получить место преподавателя в университете, было бы тактически неосмотрительно однозначно возносить хвалу разуму.

В части текста «Религия в пределах только разума», на которую Реза опирается в диссертации, Кант классифицирует и оценивает позиции толкования Писания своего времени.

Важно понять, почему для темы диссертации он выбрал именно это произведение Канта, которое ещё недавно было под запретом? Можно предположить, что тема диссертации не совсем личная задумка Резы. Это мог быть и политический заказ самого университета. Для того чтобы Канту, гордости университета, предоставить «легальное» место в контексте теологических обсуждений, надо было смягчить упавшую на него тёмную тень Просвещения. Работа «Религия в пределах только разума» – позднее произведение, в котором Кант с позиций морального идеала разъясняет основные христианские понятия и утверждения. Для Канта такая практика, как ритуалы религии и все внешние выражения религиозности, очень важна, но только как форма поведения, как дисциплина людей, как усовершенствование человечества, как стимул к моральному совершенству. Пока исторически человек слаб, чтобы положиться

на разум, он старается опереться на религиозные устои – веру, участие в религиозных обрядах. Вера и участие в ритуалах побуждает человека вести себя морально и из этого не извлекать никакой выгоды в жизни. Иногда Канта называют «философом протестантизма», ибо для него явление Бога, это чистая идея, своеобразное «божество в нас», которое следует найти и раскрыть. Однако чистый разум Канта всего лишь с изнанки похож на Бога, а категорический императив – на божественные наказания. Из несколько сотен страниц произведения Канта «Религия в пределах только разума» Реза для темы диссертации выбрал главу всего лишь в несколько страниц, где Кант изложил программу толкования Святого Писания. В этом разделе произведения цель Канта не обосновать доводами своеобразную интерпретацию Св. Писания, его больше заботят практические возможности людей, победа добра над злом. Реза анализирует в том числе ту часть текста, которую Кант посвящает описанию трёх типов толкователей Св. Писания, это – просветители, лютеране-консерваторы и пиетисты. Первый тип толкователя, по мнению Канта, «моральный исправитель с самым высоким принципом из всех толкователей Писания». Второй – эрудированный теолог. Его Кант называет «ученым знатоком Св. Писания». Такой человек очень нужен для морального состояния народа. Третьего толкователя философ отождествляет с проявлениями религиозного аффекта. Его Кант характеризует с насмешкой: «ему не нужны ни ум, ни образование, а требуется внутреннее чувство, чтобы познать истинную суть Св. Писания, а вместе с ней божественное происхождение». Классификация толкователей наводит на мысль, что есть всего два обоснованных толкования: истинная религия разума и библейская наука.

Кант, ещё до начала развития своей философии чистого разума, понимал чувства как преграду для познания, ибо они как бы искажают принципы разума и морали. Чувства для Канта – субъективное проявление ненужных эмоций, которые не вписываются во всеобщие существующие вещи, например, разум. Чувства не могут быть доверительной опорой и для толкования Святого Писания.

Кант делает очень важный философский шаг: в делах толкования религии и Св. Писания он не столько защищает право философии объяснять, сколько стремится показать, что философское толкование более совершенное, чем теологическое. В иерархии толкователей Писания он ставит философа выше эрудированного теолога. Диссертация Резы «Толкование морали в Священном писании с позиции кантовского учения» – это есть ответ на рассуждения Канта, однако также и частичное следование этим рассуждениям в выборе структуры аргументации похожей на ту, что предложил Кант. В диссертации напрямую декларируется критика толкования Святого Писания, предложенная Кантом: «не могу не признать неприемлемым его отношение к толкованию Святого Писания». Возможно, самая интересная и ценная сторона диссертации – это оценка толкования религии собственно Кантом, которую соискатель даёт перед тем, как предъявить критику толкования: «первым делом я должен обсудить, в чём суть его подхода, а затем – какие трудности возникают». Реза не напрямую критикует попытки некоторых учёных причислить Канта к обыкновенной философии Просвещения. Он отрицает существующее мнение, что якобы Кант «совершенно не обращал внимания на исторический и лингвистический контекст, так как признавал единственную мораль и поэтому не хотел вкладывать усилия в изучение археологии, языков и других предметов для общего развития». Это ложное мнение Реза отбрасывает, опираясь на авторитет самого Канта и его философский разум, и утверждает: «этого не могло случиться с „мужем такого таланта“». Реза утверждает, что Кант интересовался древними источниками и находит точку зрения, глядя с которой, он особым образом реабилитирует Канта как философа, обдумывающего религию. Вместе с тем, он показывает, что идеи Канта расходятся с приемлемой лютеранско-теологической традицией. «Неподходящее» толкование Святого Писания Кантом он старается смягчить, позиционируя его по ту сторону идей Просвещения, этим оберегая авторитет Канта и даже более ярко его выражая. Этим вопросам посвящена первая часть диссертации.

Стараясь решить свои диссертационные задачи, Реза укладывает методы толкования в своеобразную классификационную схему. Но уже само намерение классифицировать – это кантовское влияние. Кант в своих теоретических и практических работах, стараясь до конца разъяснить свои мысли, представлял не одну классификацию, а набор классификационных системных таблиц. Реза по сути обсуждения выделяет такие смысловые значения: теоретические (вера), практические моральные (набожность) и эстетические (ощущение или переживание). Такое разделение значило, что для одних толкователей Святое Писание – источник веры, для других – моральные поучения, для третьих – источник эстетического или религиозного чувства. Здесь же можно видеть, каково влияние на Резу критической философии Канта, в которой философ как способности человека выделил чистый разум, практический разум (мораль) и силу суждения (эстетику). По форме Реза выделяет четыре смысловых значения: аллегорические, исторические, языковые и мистические. Последний, мистический, смысл он объясняет как соотношение души и Бога. Таким образом, он сформулировал схему, по которой каждый конкретный толкователь может быть идентифицирован как выбирающий один или другой смысл по содержанию или форме. По такой же схеме классифицировано и толкование Канта. Реза перефразирует мысль Канта так, что толкование Святого Писания поддерживается «верой, основанной на практическом разуме». Толкование Канта Реза встраивает только в сферу практических действий человека. Для этого он берёт в помощь формулу категорического императива Канта из «Критики практического разума». Её он преподносит своеобразно, сделав более практичной, так как наряду с разумом как универсальный принцип тот же самый статут он предоставляет и воле. Реза уже в начале диссертации упоминает, что Кант к предметам, которые сугубо «теоретические» (для Резы это – вероисповедание), причисляет моральную суть. Так он именует самый большой, с его точки зрения, недостаток подхода Канта: как проповедник (моралист-практик) он берётся толковать Святое Писание по форме (аллегорическое толкование), что было бы под стать делать теоретикам веры (теологам). Он признает Канта как моралиста-практика, но отсеивает его теоретические претензии, чтобы разъяснить Святое Писание. Для проповедников-практиков он даже предоставил возможность «подтянуть» толкование: «Учителям христианских религий даём разрешение и просим, чтобы при воспитании народа моральный смысл как раз был бы употреблён в таких местах, где нет ничего, что поощряло бы нравственность». Аргумент, характерный для Канта, поддержанный отдалением теоретика от практика, особенно виден в его аргументации о главенствующей позиции философии над теологией при толковании Святого Писания. Кант, рассуждая о религии, разделил как отдельные специализации между священником-практиком и священником-учёным. Он утверждал, что один и тот же человек как священник-практик должен подчиняться церковному порядку, а как учёный теолог может выражать индивидуальное мнение, которое не совпадает с общей церковной позицией. Реза это использовал, но переосмыслил по своему: «если проповедуешь в церкви, то есть оправдание, чтобы приблизить толкование Святого Писания к цели морали, а значение морали можно употребить в тех местах, где нет прямых указаний на то, чтобы что-то изменить. Однако, при толковании Священного Писания теоретически, надо объяснять только то, что автор по своему понятию и в своем времени смог и хотел сказать». В своей диссертации Реза решает несколько задач: выделяет Канта из общего просветительского контекста, ставя его в ряд аллегориков, прославляющих Античные времена, а также в ряд аллегорических толкователей Святого Писания; отвергает попытки Канта толковать Святое Писание по философски, однако признает его как практического проповедника; пытается примирить пиетическую и консервативную лютеранскую практики действий.

Реза стремится показать, что кантовский практический разум действует как инструмент и не может быть основой для практики. Он доказывает, что попытка Канта нравственность через категорический императив связать с разумом не имеет под собой основания. Соискатель берёт в помощь в качестве авторитетов авторов Священного Писания, которые указывают, что

«счастье, слава, выгода – надежда вечного спасения души» и составляют основу нравственности. Диссертант старается показать, что Кант понимает практический разум как инструмент для толкования Святого Писания, отказываясь от «теории» Святого Писания. Реза по-своему употребляет понятия «теории» и «практики». Здесь ему пригодились высказывание Канта, что теоретическая часть церковной веры настолько выгодна, насколько может помочь человеку выполнять обряды как «божественные наказания». Так как Кант и сам отмежевался от теории, значит, он и сам стремился к практическим целям. Но Кант не был теологом, он даже не был религиозным философом, он со своими идеями сознательно шагнул по ту сторону христианства.

Реза, как преподаватель Кёнигсбергского университета, а до этого студент университета, был ближе к пиетистам. Однако тогда это был тот пиетизм, что опирался на консервативную теологию. Пиетизм, воинственность которого уже угасала, вряд ли мог устоять перед всякого рода влияниями, в том числе и влиянии Просвещения. Не имея своего теологического основания, он опирался на практику консервативного лютеранства. Старания Резы создать единые идеи можно считать знаком завершения бурного процветания эпохи пиетизма. В диссертации автор стремился выдвинуть в качестве основы теории пиетистскую и консервативную теологию, но это двойственная идея. Она сформировала происходивший в этой эпохе разлом мышления и мировоззрения. Все-таки это можно оценить и как личное свойство подхода Резы – сочетать тяжело сочетаемые вещи.

10 апреля 1810 года профессор Вальд, декан факультета, официально объявил о том, что Резе присвоено звание «Доктор богословия» вместе с правом преподавания. После этого Реза объявил свои инаугурационные лекции в университете, назначив их на 14, 15, 16 и 17 апреля 1810 года. В их числе лекция о своей работе на латинском языке «О первых шагах христианства среди литовцев». После этого он стал полноправным экстраординарным профессором университета. В этом же году Реза начал публиковать короткие работы, касающиеся первых шагов христианства среди литовцев. Позже он напишет, что взялся за эти вопросы потому, что много историй о начале христианства в Литве окутаны таинственным мраком.

Теперь Реза стал получать в университете небольшое жалование за чтение курсов лекций «Церковная история» и «Введение в Старый и Новый Заветы». Реза подготовил ещё две диссертации на тему библейской герменевтики в 1811 году. Первая называлась «Параллелизм поэтики в книгах Нового Завета» и была защищена в университете 19 апреля. Вторая диссертация, посвящённая толкованию использования поэтического параллелизма в книгах Нового Завета, была прочитана им 26 апреля 1811 года. После этого он стал одним из самых авторитетных богословов в Восточной Пруссии.

В это же время Реза приступил к литуанистической деятельности, которая раскрыла его демократические воззрения, его современный взгляд на значение третьего сословия. Литовское третье сословие составляли не только крестьяне и городские жители, но и близкая им по своим взглядам немалая часть деревенских лютеранских священников Пруссии. Ещё ранее, до 1807 года, Реза с помощью многих добровольных помощников начал собирать литовские народные песни. В 1809 году на немецком языке вышла написанная и напечатанная им первая часть сборника стихов «Prutena» (латинское название Пруссии), в которой многие стихи написаны по мотивам литовских народных песен, а иногда это просто обработка и перевод песен. Там же была напечатана статья Резы о литовских народных песнях. В ней он доказывал необходимость эффективной работы семинара литовского языка в Кёнигсбергском университете, а в 1810 году был назначен его инспектором. В 1809 году Реза встретился в Кёнигсберге с министром образования Гумбольдтом, который одобрил его идею напечатать поэму «Времена года» Кристионаса Донелайтиса. Министру Реза подробно представил планы выпуска заново переведённой Библии на литовский язык. В этом же 1810 году в Кёнигсберге Реза создал общество

«Литовской Библии». Вся эту масштабную работу он делал, продолжая нести ответственную службу военного священника.

В 1809 году в Кенигсберге Реза подготовил и напечатал для военных прихожан проповедь «Об обязанностях воина перед Богом, своим королём, перед собой и Родиной». Видимо уже тогда он думал о сражениях за свободу Родины. Есть упоминание, что в 1815 году Реза сочинил стихотворение на литовском языке по случаю Парижского мира, заключённого после победы над Наполеоном. Долгое время достоверных сведений об этом стихотворении не было, пока, наконец, текст не был найден в вышедшем в 1818 году в Бреслау многоязычном сборнике стихотворений. На латыни он назывался «Воссоздан памятник мира вооружённым силам союзников 1814 г.». В этом стихотворении Реза в античном стиле прославляет монархов-союзников: прусского короля Фридриха Вильгельма III, императора Александра I и австрийского императора Франца I.

В 1811 году Реза стал проповедником уже не Кёнигсберг-ского военного гарнизона, а бригады – крупного военного соединения. Это значило, что дальнейшая его служба будет связана с армией и будущими военными походами, которых ждать пришлось совсем недолго, они начались летом 1812 года.

Прусский король Фридрих Вильгельм III, после подписания Тильзитского мира в 1807 году, был вынужден находиться в вассальной зависимости от Франции и помогать Наполеону, когда тот двинулся в Россию. В июне 1812 года основные силы Наполеона сосредоточились на территории Восточной Пруссии и после переправы через реку Неман, неподалёку от Каунаса, двинулись в сторону Москвы. А корпус маршала Макдональда, в состав которого вошли и прусские военные части под руководством генерала Йорка, из Кёнигсберга пошёл через Тильзит и Расейняй (Литва) в Латвию, по направлению к Риге, надеясь дойти до Санкт-Петербурга.

Корпус Макдональда пересёк Жемайтию (Литва), прошёл по Латвии до Даугавы, но не смог переправиться на правый берег реки и остановил наступление. С прусскими войсками на север отправился и Реза. Скорее всего, он двигался с левофланговой группировкой корпуса, которая от Расейняй повернула в сторону Шауляя, так как в своих «Рассказах и наблюдениях» он упоминает не только реку Даугаву, но и область Курземе с рекой Вента.

Не совсем понятно, что Реза видел в большой Литве, а ведь он был очень наблюдательный человек. О жемайтий-цах и католиках литовцах он никак и нигде в записках не написал, но, без сомнения, крестьянский быт произвёл на него удручающее впечатление. Скорее всего, Реза, описывая Россию, Польшу и Курземе, имел в виду и Литву:

«Хотя феодализм здесь (в Чехии) ещё твёрдо держится, но имение тут не сильно отличается от деревни, не так, как в других славянских краях – в Польше, России, Курземе. Здесь крестьянин, хотя и приписан к имению, но намного богаче, более самостоятелен, чем там».

А с другой стороны, Реза довольно высоко оценивал культуру литовского народа, в том числе и католической части литовцев. Конкретного мнения он по этому поводу не излагал, но косвенных аргументов достаточно. Например, позже, когда Реза в 1817 году собирался отправиться в Литву собирать литовские народные песни, в своих стихах он поэтизировал прошлое Великого Литовского Княжества (Баллады «Анна и Витаутас», «Сигалас и Инна», «Кястутис и Милине»). Поэтому в военном походе, видя бедноту литовских крепостных крестьян, он обвинял в этом не народ, а феодализм как таковой, экономические условия хозяйствования.

После неудачной французской кампании в декабре 1812 года корпус Макдональда отступал из России в сторону Восточной Пруссии, и Реза опять проезжал похожим маршрутом, только теперь на юг через Жемайтию. Наконец 30 декабря 1812 года генерал Йорк южнее Таураге (Литва) на старой мельнице подписал Пошерунскую конвенцию – мирный договор с Россией и вышел из военных сил Наполеона. Этот мирный договор не сразу, но все-таки

одобрил король Пруссии. В этот день Реза, и так ненавидевший французских оккупантов, официально стал союзником России и противником Наполеона. Наконец исполнилось его желание – бороться с французскими захватчиками.

3 января 1813 года, как только французы оставили Кёнигсберг, сразу появился отряд казаков, а на следующее утро в город Кёнигсберг уже вошли два кавалерийских полка союзной русской армии. 8 января в Кёнигсберг вместе с прусскими частями возвратился и генерал Йорк. С этими частями на родину вернулся Реза. Наконец король Пруссии Фридрих Вильгельм III 17 марта 1813 года издал «Воззвание к народу» (его подготовил ровесник Резы, выпускник юридического факультета Альбертины Теодор Гиппель мл.), призвав подданных к борьбе с французами, а 19 марта король заключил союзный договор с Россией, и Пруссия официально объявила войну Франции.

Говоря о деятельности Резы во времена военной службы, выделим несколько моментов, связанных с его дневником капеллана «Рассказы и наблюдения о военных походах войны 1813—1814 годов» (смотри Приложение 1) и другими источниками этого периода.

В бой за свободу Пруссии от наполеоновских захватчиков своим литературным творчеством Реза особенно активно включился в 1813 году. В феврале в Кёнигсберге было решено сформировать национальный кавалерийский полк. Для этого полка Реза сочинил немецкие песни, широко известные как «Военные песни национального кавалерийского полка Восточной Пруссии, который покидает Кёнигсберг» («Kriegs – Gesänge für das Ost-Preussische National-Kavallerie-Regiment beim Ausmarsch aus Königsberg»). Эти песни были быстро напечатаны, так как 3 мая 1813 года полк выступал из Кёнигсберга на войну с Наполеоном. Сам Реза в это время уже был в Берлине, потому что ещё в начале апреля отправился на запад с армейским корпусом. Эти песни были его совместной работой с известным органистом Кёнигсберга, композитором и педагогом Вильгельмом Йенсенем, написавшим к ним музыку. В издании опубликованы ещё два стихотворения Резы. В одном из них описан подвиг спартанцев в ущелье Фермопилы в 480 году до нашей эры, когда король Спарты Леонид, с 300 воинами геройски защищая свободу, погиб в бою с огромной армией короля Персии Ксерксом.

В дневнике Резы литовцы и их край упомянуты несколько раз и это внимание понятно, ведь Прусская Литва и её жители летувники – земляки автора. Он щадит их, не подвергает обоснованной критике, но упоминает в связи с различными происшествиями и занимательными фактами. В дневнике, как и в сборниках стихотворений «Прутена», отражено уважение и к древним пруссам, отчаянно защищавшим землю своих предков от пришельцев – немецких рыцарей. Его удивляет и волнует великая борьба за свободу этого уже исчезнувшего народа, о котором продолжают говорить и через 600 лет, о чём ещё свидетельствуют оставшиеся городища, укрепления, рвы. Реза восклицает: «Как велик человек, который свободу почитает жизни! Намного лучше честному погибнуть, чем негодяем радоваться триумфу». Эти мысли напоминают идеи, изложенные в небольшой поэме Кристийонаса Готлиба Милкуса «Пилкалнис», описывающие отвагу пруссов во время защиты родного края от крестоносцев. Скорее всего, эту поэму нашёл, обработал и опубликовал сам Реза. Восхищается Реза и легендами о древних пруссах, о городке Хайлигенбайль (Мамоново), о гербе, на котором изображена секира. Он пересказывает легенду о том, как там когда-то, ещё с языческих времён, рос священный дуб. Язычники-пруссы поклонялись этому священному дубу. Немецкий католический епископ приказал дуб срубить, но топор рубанул не по коре дуба, а пал на макушку епископа. Дуб срубили лишь со второго раза, когда перед началом рубки освятили топор и перекрестились.

Мотивам Прусской Литвы уделено намного больше внимания, но они, как воспоминания, выплывают случайно по ходу изложения, без выделения в отдельный раздел. Например, Реза говорит о разнице между чтением и слушанием в церкви опубликованных произведений, о том, что у них разное эмоциональное воздействие, и для аргументации обращается к при-

мерам из истории родного края. Известно, пишет Реза, что «глубокоуважаемый проповедник Пруссии» Йоганн Квант «не дал разрешения напечатать ни одну свою проповедь». Он говорил, что к напечатанным проповедям трудно подобрать свой голос, интонацию, волнение переживаний. Скорее всего, Реза вспомнил Кванта не только потому, что он с 1721 года был главным проповедником в кирхе Королевского замка и главным суперинтендантом Пруссии, но, прежде всего, потому, что в 1723—1727 годах он курировал семинар литовского языка Кёнигсбергского университета, способствовал опубликованию нескольких литовских книг, для которых на немецком языке написал предисловия. Для Резы это было очень важно.

Когда Людвикас Реза попал в край, где жили сорбы (Кот-бус, Дрезденский округ), он слышал славянскую речь (этот славянский народ им назван вендами). Реза заметил, что венды ставят ударения в своих словах так же, как литовцы. Некоторые слова даже совпадают, можно даже ошибиться, думая, что слушаешь литовскую речь. В Бреслау он посетил университетскую библиотеку, нашёл там книгу «История Литвы» Коялавичуса – Виюка, и тут же выписал из неё интересные места. Он пишет: «Как я радовался, что нашёл произведение, которое безуспешно искал в Кёнигсбергской библиотеке». Из этих записок видно, что даже захваченный военными вихрями, Реза не забывает научных интересов в области литу-анистики. Позже, ссылаясь на эту книгу, он будет теоретически разбирать вопросы литовской мифологии в своём втором поэтическом сборнике «Прутена» в 1825 году.

В дневнике капеллана Реза признаётся, что его предки – язычники-пруссы. Пруссы, которые убили первого крестителя на этих землях – чеха св. Адальберта в 997 году в районе Fischhausen (теперь Приморск). Но в других местах дневника утверждает, что его предки литовцы. Он обоснованно считал, что и пруссы, и литовцы имели общие балтские корни.

Реза ничего не пишет о службе в походе по Латвии в 1812 году, возможно, потому что участие прусских войск Йорка в кампании на стороне Наполеона против России не делало чести королевству Пруссии. Из нескольких источников, в том числе из некролога Резе в 1840 году и из его биографии, представленной Францем Шубертом, профессором Кёнигсбергского университета в 1855 году, известно, что Реза в Курземе познакомился с директором общества Библии России Христофором фон Левеном. Он же в будущем куратор университета Тарту (1817—1828) и министр Просвещения России (1828—1833). Именно фон Левен в 1822 году пригласил профессора Резу поработать на теологический факультет Дерптского (Тартуского) университета, однако, Реза отказался, ибо не хотел уезжать из родного края. Реза понимал, что там он не сможет служить литуанистике. Из многих отрывков Дневника капеллана следует, что Реза – проповедник Прусской армии и в лихолетье военных лет постоянно помнил и заботился о проблемах науки и культуры Родины.

Реза исполнял полевые церковные службы на пространстве Балтии от Венты, Даугавы до Берлина и Парижа. На стоянке у Франкфурга-на-Майне 7 ноября 1813 года он записывает факт, что за один год прошёл от Даугавы до Рейна, проделав около 2300 км. «И куда Боженька меня ещё отправит?» – восклицает Реза. На поле боя и в окопах он не демонстрировал свои академические взгляды профессора богословия университета. Он честно нёс тяжёлую службу военного пастора, проповедовал людям, которые в течение нескольких дней или даже часов могут потерять свою жизнь на поле боя. Это была служба, где надо было укреплять и спасать души солдат, проходящих тяжелейшие испытания духа и тела. В их окопах Бог и дьявол ежедневно встречались в открытом конфликте. Повсюду – в чистом поле, в дороге, в разорённом школьном здании или в другом доступном укрытии, где бы Реза ни устанавливал свой полевой алтарь и читал проповедь или проводил литургию, он утешал страждущих, освобождал кающихся и провозглашал спасительную идею Христа.

Свой родной край в походе он вспоминает не раз, в том числе и через анекдотический случай, произошедший у одного пастора на земле Гессен. Реза подаёт его как пример необразованности:

«Один пастор, у которого 2 декабря 1813 года побывал я, спросил меня, откуда я родом. Ответил, что из Мемеля (Клайпеды). Из Мемеля, сказал он, а где Мемель? Я со смехом ответил, что у Каспийского моря. О Боже, крикнул он, как издалека вы сюда прибыли!»

В крае Гессен каждая деревня и деревенька имеют свои церкви, но очень маленькие и тёмные. Реза отмечает:

«Бога прославлять нужно в величественном храме, а не в карточном домике. Намного лучше в старой Пруссии, где 20—30 деревень имеют одну церковь, большую, в центре окрестностей. По воскресеньям все отправляются в святую дорогу, словно в Иерусалим».

Без сомнения, здесь Реза вспоминает о Родине.

Будучи во Франции, вблизи города Нанси, он снова находит повод вспомнить земляков-летувников, когда в гостинице ему подали кофе в большой миске с большой ложкой, как суп. Реза толерантно, но всё-таки отмечает, что маленьких чашек, «как у нас», здесь никто не употребляет. Каждый край имеет свои обычаи: «Но ведь и в Литве есть обычай – водку есть ложкой».

Реза внимательно изучал и знал историю не только Литвы, но и Польши. В его записках это подтверждается многократно. Например, будучи во время похода во французском городе Нанси, он посчитал обязательным написать о вельможе Станиславе Лещинском, который в первой половине XVIII века был выбран королём Польши и Великим Литовским князем. Реза отмечает, что в 1725 году на его дочери Марии женился король Франции Людовик XV, который через некоторое время одарил своего тестя Лещинского княжеством Лотарингии, центр которого и есть Нанси.

Важным событием для Резы стала встреча с королевским послом Пруссии в Великобритании Вильгельмом фон Гумбольдтом. Это произошло, когда, закончив свою работу священника в действующих военных частях, Реза вернулся в Париж в мае 1814 года. Гумбольдт помог ему получить дорожный паспорт в Лондон, где от общества распространения Британской Библии Реза получил 200 фунтов стерлингов для выпуска литовской Библии. В Дневниках капеллана он не пишет, что тогда в Париже Гумбольдт ему сказал: «Не думайте, что я литовский язык забыл, наоборот, я и сегодня остался таким же сердечным любителем этого своеобразного идиома, как и в 1809 году» (речь идёт об их встрече в Кёнигсберге, когда они обсуждали планы публикации поэмы «Времена года» К. Донелайтиса). Эту беседу с Гумбольдтом в Париже Реза позже упомянет в письме к влиятельному общественному деятелю Кенигсберга Иоганну Георгу Шефф-неру (в Кенигсберге с 1909 года работала школа имени Иоганна Шефф-нера, ныне это школа №14 по ул. Радищева). В 1818 году именно Гумбольдту, как выдающемуся гуманисту и покровителю литовского языка, Реза в стихах анонсировал первый выпуск поэмы «Времена года» Донелайтиса.

Проезжая мимо Браунсберга (ныне Бранево, Польша), Реза вспоминает, что историки до сих пор спорят – название столицы Вармии произошло от имени мученика Бруно-на или от имени рыцаря Бруно фон Кверфуртского (Bruno von Querfurt, около 970 г. 14 февраля (?) или 9 марта 1009 г. Пруссия, святой апостол Пруссии, граф). Реза тогда ещё не мог знать, что существует запись в анналах города Кведлинбург (Quedlinburg, Германия) о том, что в 1009 году на границе Литвы был убит немецкий вельможа, проповедник христианства, миссионер Брунон (монашеское имя – Бонифаций), первый раз упомянувший имя Литвы – Lituae. Этот св. Брунон – Бонифаций убитый мученик, также по происхождению из немецкого города Кверфурт (Querfurt).

В Лондоне Реза пробыл с 22 мая до 3 июня 1814 года и там посетил библиотеку музея Британии, где работал в отделе рукописей. К сожалению, ни Реза, ни библиотекарь не знали, что там, среди беспорядочно сложенных бумаг, хранится и часть Старого Завета, переведённый на литовский язык Самуэлем Богуславом Чилинским. Её начали печатать в Лондоне в 1660 году, но в 1662 году работа была прервана.

В апреле 1813 года, в самом начале военного похода, прежде чем уехать из Прусского Старгарда (теперь Starogard Gdanski, Польша) к войскам в Берлин, Реза навестил жившего за городом родственника. Это был брат того самого священника Христиана Витиха, который жил в Каукенай (п. Ясное, вблизи дельты Немана) и к которому когда-то родственники привезли девятилетнего сироту Людвика Резу. Мальчика пастор Витих растил и учил, а в 1791 году отправил его в Кёнигсберг, где имелся дом для бедных. Воспитанники этого дома имели право бесплатно посещать латинскую школу, а по окончании её поступать в университет. Витих юношу направил в дорогу к науке. Реза весьма уважал почтенного пастора и считал себя обязанным нанести визит его брату. Позже Витих участвовал в создании литовской письменности. Он помогал подготовить некоторые литовские пиетистские произведения в первом десятилетии XIX века, так же помогал Резе собирать литовские народные песни для первого сборника. Образ жизни брата Витиха, жившего в пригороде Прусского Старгарда, Реза оценивает, вспоминая античную мудрость и цитируя Горация, который счастливыми считал деревенских жителей, они отдалены от суеты, работают, как и предки, на своей земле.

Реза начал вести свои Дневники, в первый раз сев за них неподалеку от Кёнигсберга в местечке Бранденбург (п. Ушаково, 18 км от города) 8 апреля 1813 года, и закончил в Брюсселе 16 июня 1814 года. Свои Дневники, будучи литовцем, он писал, как настоящий патриот Пруссии. Конечно, не очень понятно, почему он свою книгу выпустил под анонимным именем. Ведь множество офицеров Прусской армии – от главнокомандующего Блюхера до солдат из Кёнигсберга, встреченных на дорогах войны университетских друзей, студентов, слушавших лекции Резы – каждый из них знал, кто такой «проповедник Прусской армии». Такими словами автор представил себя в заголовке книги, скрыв свою фамилию. Возможно, причиной было то, что в книге Реза не раз положительно представляет католическую веру, их церкви и ритуалы, хотя сам он был лютеранским священником. А возможно, скромность священника побудила его не объявлять свою фамилию.

Из статей и записок Резы можно сделать некоторые заключения о его политической позиции, сложившейся после окончания им университета и во времена службы военным священником. Война с Наполеоном воспринимается Резой как война народов против тирании. Реза отмечает активное участие в войне жителей Пруссии и, особо, прусских литовцев. Патриотическое настроение подействовало на ле-гунников, они участвовали в боях, многие погибли. Пастор из Пиктупен (Пиктупенай, Литва) Христиан Дитрих Хасен-штейн (1756—1821) написал первую историческую книгу на литовском языке «Рассказы о священной войне, в которой прусские литовцы и другие христиане освобождались от страшного разбоя». Эта книга с историей о наполеоновских войнах вышла в Гумбинене (теперь Гусев) в 1814 году. Хасенштейн был хорошо знаком с Резой. Им написана ещё одна книга «Песня ландштурма» (Гумбинен, 1813), в которой автор высмеивает Наполеона, называя его «Напыщенный завоеватель мира». Произведения Хасенштейна были любимы и читаемы литовцами Пруссии.

Этот всеобщий прусский патриотизм отражается и в «Дневнике капеллана». В начале апреля 1813 года поблизости от Бранденбурга (Ушаково) в гостинице «У высокого кувшина» Реза встретил десять «сыновей музыки» – студентов университета. Некоторые из них ранее были слушателями его лекций. С саблями на ремнях, в качестве стрелков-добровольцев они шли с армией на Эльбу. Усевшись за круглый стол, они грустно пели песню «Pro salute» (За жизнь), в тексте песни слышались и отголоски текстов Резы:

«Из тихой тени науки идут эти воспитанники Минервы в бурное поле боя, чтобы отвоевать веточку мира оливы, потом закончить свою учёбу. Опять возвращаются времена древней Греции, когда все, оставляя Афины, шли в Саламину».

Почему Реза начал вести дневник военного похода? Несомненно, потому, что он понял – начинается судьбоносный исторический период для многих государств Европы, в том числе и для его Родины – королевства Пруссии. Он понял, что господству Наполеона приходит конец,

и эти необыкновенно важные события необходимо детально зафиксировать. Наконец, это был грозный и особенный эпизод его жизни – участие в кровопролитной войне.

Реза воспринимал императора Франции как тирана. Позже, в своей «Истории литовской Библии», вышедшей в 1816 году, годы оккупации с 1807 по 1812 год Реза называет «тиранией Наполеона». Имя Наполеона часто упоминается в его Дневнике в отрицательном контексте. Французская армия обвиняется в разорении Восточной Пруссии, в превращении церкви в конюшни, чего не делали даже средневековые вандалы. В стихотворении Резы «Песня победы у Лейпцига» (октябрь 1813 г.) Наполеон изображён как поработитель мира, огнём и мечом несший смерть до самой Москвы. Но Бог наказал этого вечного врага немцев. Первый день Лейпцигской битвы (16 октября 1813 г.) погубил ненасытные планы французского императора, растоптал его надежды. Прикрывая позорное отступление, Наполеон пожертвовал в Лейпцигской битве третью своей армии, подставляя воинов вместо щитов. «На следующий день наблюдал последствия битвы, – с ужасом пишет Реза, – трупы без рук, без ног, без голов. Разорванные куски рядами разбросаны, тела лежали друг на друге». Наполеон ценил античную архитектуру, но был бессердечен. Франция во главе с Наполеоном более 20 лет разоряла, мучила контрибуциями Европу. Однако союзники, вошедшие в Париж, не требовали от грабителей даже стакана воды. «Об этом я свидетельствую для истории». Характеристику Наполеона Реза заканчивает документальным и одновременно назидательным рассказом о том, как парижане свергли статую Наполеона в столице Франции.

Интересно посмотреть, какую оценку в Дневнике даёт Реза европейским народам в первой четверти XIX века. Он, безусловно, учёный, хотя в своих публикациях представляется как «тихий исследователь людей и их наблюдатель». Он не пропускает случаев сравнить людей разных народов или просто предъявить обобщённые характеристики разных наций. Побывав в Париже и Лондоне, он подробно описал отличия образа жизни, характер французов и англичан и, более коротко, другие народы. Мнение Резы часто субъективное, но очень чёткое и значимое, поэтому может послужить не только для того, чтобы узнать мировоззрение автора, но и как научный отчёт. В его публикациях отражается представление тех времен об особенностях народов, дух эпохи. Например, что касается литовцев, Реза, как и Милкус в «Литовско-немецком и немецко-литовском словаре» (Кёнигсберг, 1800 г.), пишет, что для литовцев характерны чувство собственного достоинства, открытость, смелость, искренность, верность. И сам Кант так же писал о литовцах в своей «Переписке друга». Реза последовательно фиксирует географические, экономические, культурные, этнографические данные разных стран. Народы он оценивает не одинаково, очень часто метко отмечая их особенности.

Немцев Реза сильно идеализирует, настолько сильно, что они теряют свою аутентичность. Иногда он называет их пруссами. По его мнению, рыцари немецкого ордена (тевтонцы) заслужили благодарность, «ибо они положили основание культуры Пруссии». Таким образом, он разделяет те положения, которые в то время существовали в немецкой историографии. В тексте Резы немецкий, точнее прусский патриотизм проявляется во многих местах. То автор упрекает богатое сословие Силезии, которое отдалилось от третьего сословия и живёт по французской моде, стесняясь говорить по-немецки, то радуется, что в 1813 году Австрия перешла на сторону союзников и неподалеку от Праги соединились Прусская и Австрийская армии, северные и южные немцы опять вместе, одна нация, один братский народ. Реза восклицает: «Какое важное событие! Преодолен долгий разрыв от Карла V до времён Реформации, да ещё и выросшая антипатия между католической и протестантской частью земель Германии исчезла». Реза подчёркивает, что под Дрезденом прусское оружие заслужило большую славу, ибо всех спасла победа прусских солдат у Кульма. В своем произведении «Песня победы у Лейпцига» он воспевае героев ещё и потому, что судьбоносная битва выиграна под руководством главнокомандующего Прусской армии Блюхера, с которым он знаком лично. Он первый раз увидел командующего и был ему представлен ещё по прибытию в Штрелен (Strehlen, теперь Стшеллин,

Польша). О Блюхере Реза пишет, что он мужчина военной выправки, «настоящий немец словом и делом. На его лице словно написано – не могу лгать и уступать». Возвышает немцев Реза и в своей песне о вине Мозеля, которую он написал у реки Мозель, вблизи Триера, в то время ещё принадлежащего Франции. Песня начинается со строки «Звени немецкая песня в лучах побережья Мозеля». Реза пишет, что в Лондоне трудяге-немцу платят в три раза больше, чем англичанину.

В Дневнике капеллана Реза не даёт обобщающих характеристик и деталей о летувниках и обо всём литовском народе, но в более поздних работах (о Донелайтисе, о народных песнях, языке, письменности) им сказано о них много хороших слов. Его важнейшие научные работы связаны с литуа-нистикой. Такое двойственное отношение можно объяснить сложностью национального сознания Резы, он чувствовал себя человеком двух культур – литовской и немецкой.

Реза отрицательно характеризует кашубов – этническую группу поляков, жившую в королевстве Пруссии у Балтийского моря. Он их называет вендами и добавляет, что их язык похож на польский, с которым Реза был знаком, ибо в университете Кёнигсберга действовал и семинар польского языка.

«Так как они католики, – пишет Реза о кашубах, – на их лицах заметны покорность и лицемерие. Они не могут спрятать трусости и ненависти к немцам, демонстрируют, что не знают немецкого языка. В их избах стены обвешаны иконами Девы Марии и господствует страшная беднота. Нет никакого сравнения с немецким трудолюбием и умением вести хозяйство. А у кашубов ни одного стула в доме, ни одного плодового дерева в саду. Кажется, что этот народ, живя среди немцев, за пять столетий не изменился, остался тем же, без бытовой и высокой культуры, ибо немцы ненавидят их, а они – немцев. Они не будут воевать и защищать Прусское государство. В лесах собираются вооружённые кашубы-крестьяне, которые несколько дней назад напали на прусский военный транспорт и освободили 20 рекрутов. Они не идут служить в армию».

Интересно, что Реза, подчёркивая противостояние между кашубами и немцами, частично оправдывает аналогичное недружелюбие в Прусской Литве между летувниками и колонистами из немецкоговорящей Европы, которое показано во «Временах года» Донелайтиса.

Довольно доброжелательно Реза пишет о главной силе союзников – русской армии. Правда, в дневнике он отмечает, что иногда русские опустошают дом или огород какого-то духовника. Он сочувственно пишет, как тяжело военные повозки русских поднимались по крутым и узким дорогам Рудных гор, жалеет солдат и отмечает, что «в лесу слышны дыхания и ругательные слова». Не раз Реза пишет о необыкновенной воинственности и мужестве казаков. Их очень боялась кавалерия Наполеона. Придаёт чести русским джентльменство офицеров – так русский офицер, присланный на жительство в то же самое место, что и проповедник Реза, ему уступает место. Реза пишет, что русские удивляются, почему французы даже своих храмов не почитают:

«Рядовой русский солдатик, войдя в церковь, перекрестится, прочитает короткую молитву и только тогда там возьмёт охапку сена – осквернённая святыня для него всё равно остаётся святой». Но с другой стороны, русские солдаты так «обчистят» французов, что у тех «нет даже штанов свой стыд прикрыть». Реза высоко оценивает боевые качества русской армии, не случайно, желая показать в своей песне о Лейпцигской битве её сокрушительность для Наполеона, он вспоминают знаменитую Березину, где русские окончательно сломили хребет Великой армии французов.

Особенно хорошего мнения Реза о чехах. Чешский язык он характеризует как «гармонический и звонкий, а пение в церкви особенно волнующее». С симпатией им описана красота Праги и её достопримечательности – университет, его библиотека, мосты через Влтаву, Кафедральный собор. Императора империи Рима, короля Чехии и Германии Карла IV, кото-

рый в 1348 году создал Пражский университет, Реза называет Чешским Соломоном. Предки чехов на вершинах гор настроили множество замков и крепостей. Это показывает, что это смелый, благородный и великодушный род. Однако Реза осуждает гуситов из-за их буйного характера, жестокости, они когда-то не жалели даже младенцев. Глядя с горы на город, где стоит королевский замок, он отмечает: «Если бы когда-нибудь с Небес опустился небесный Иерусалим, он обосновывался бы именно здесь, в одарённой природой всякими богатствами долине». Ещё сердцу Резы мила Чехия из-за её исторической миссии в борьбе с язычниками-пруссами. Здесь он опять занимает сторону Немецкого ордена, забыв, что совсем недавно поэтизировал борьбу пруссов за свободу. Наверное, так должно быть, когда интеллигент принадлежит двум культурам, как в случае с Резой, – тогда противоречия, особенно в оценке исторических процессов, неизбежны. Основателем Кёнигсберга был король Чехии Оттокар (Пшемисл II Оттокар, король Чехии с 1253 г.). Он руководил крестовым походом против пруссов, начавшимся в конце 1254 года и завершившимся в середине января 1255 года. В его честь в 1255 году на горе близ слияния двух рукавов Преголи был заложен замок. Этот замок, построенный на месте прусского поселения Твангсте, служил для борьбы с пруссами в землях Самбии и назывался Кёнигсбергом (Королевской горой, Каралячусом, Королевцем). Реза пишет:

«За начало религиозного и политического просвещения мы должны быть благодарны чехам».

Мнение Резы о славянах особенно противоречивое и субъективное. О чехах и русских он имел положительное мнение. Переехав из Праги в сторону Дрездена, Реза попал на границу между чешским и немецким языками. Жители этого края использовали смесь немецкого языка и славянского или были славянами, которые говорили по-немецки. Он пишет, что у этих жителей «больше славянских признаков, хотя они себя и называют немцами». Здесь можно вспомнить и аналогичные процессы германизации в Прусской Литве. Реза здесь отмечает признаки славян, при этом унижая евреев: грязь и нечистоты (в этом краю евреи «кишат»), у славян тупой нос, поднята верхняя губа, широкий лоб, они отрицают ремёсла и искусства – славянин сам себе и колесник, и портной, и плотник, и сапожник, и пекарь – всё в одном лице. Отмечены они национальной гордостью и борьбой против онемечивания, против всего, что немецкое. Этот национальный эффект автор поясняет психологически: национальная гордость и отрицание всего, что немецкое, – это признак народов, разговаривающих не на своём родном языке, это психологически легко поясняется: природа дала народам это чувство, как сосновую иголку, которой они могли бы защищаться от «опеки» чужих и их «гнёта». Эта мысль Резы требует разъяснения. Он как будто хочет сказать, что чех, хотя и разговаривает по-немецки, но противостоит онемечиванию. Конечно, история показывает другое: человек, ассимилировавшийся, забывший родной язык, часто становится ярким распространителем нового национального самосознания.

В дневнике Реза много пишет о французах и Париже, об англичанах и о Лондоне. Всё-таки больше всего критики подвергается французский народ. По мнению Резы, французский народ легкомысленный, ему не хватает бого-боязни. Французские солдаты до фундаментов разрушали деревни Пруссии, выкапывали гробы, в церквях держали лошадей. Французские моды, привезённые из Парижа в стародавние времена (завивание волос на горячей железке, короткие жакеты и узкие брюки), испортили чешскую народную культуру. Характерным представителем национального французского характера Реза считал своего хозяина в городке Лигни (теперь Бельгия). По его описанию, тот имел весёлый нрав, доброе сердце, но ничего не говорящее лицо, без образования и следов более глубоких чувств, с пустой душой. Настоящий угодник, он, общаясь с немцем, говорит, что хочет быть немцем, а перед Резой божится, что протестантизм лучше католицизма. Реза был убеждён, что французскому офицеру он сказал бы точно наоборот. По мнению Резы победители-союзники выделялись благородством, правдивостью и откровенностью, а французы «болеют пустым детским высокоме-

рием, не умеют спрятать обиды из-за поражения. На их лицах видны знаки зависти, безволия, презрения, попустительства». Реза отмечает, что характер парижан раскрывается в театре: смеются лишь от дурного остроумия. В спектаклях зрители сидят по 8—10 часов, глядя на глупый юмор и кривляние. Когда утром 31 марта 1814 года союзники вошли в Париж и Сенат объявил, что Наполеон отправлен в отставку, начался новый спектакль. Как пишет Реза, на улицу вышли толпы людей, они кричали: «Да здравствует Людовик XVIII! Да здравствуют Бурбоны!» На Бонапарта посыпалась ругань.

Не нравится Резе и французская женская мода, и одежда, и манера глядеть на человека сквозь очки, встав вплотную, даже уличные фокусники не нравились ему. Со всем своим морализаторством Реза восклицает: «Что это за народ, который ум променял на веру в глупости, нравственность – в пороки, работу – на безделье». Хотя он много плохого пишет о жителях Парижа, но признаёт, что это особенный город во всём мире, который выделяется достопримечательностями, их Реза перечисляет:

– Национальный музей, в котором собраны скульптуры, картины всех художественных школ Европы.

– Королевский дворец (Palais Royal), знаменитый не только прекрасной архитектурой, но и тем, что он для Парижа то же, что Париж для всего мира – место для встречи людей всех сословий, место празднества и роскоши. Реза многократно подчеркивает мысль общения сословий: лишь народ, ценящий общение, мог создать Palais Royal.

– Катакомбы – подземелья, разукрашенные более чем двумя миллионами людских костей. Они появились в 1763 году, когда власть решила все кладбища перенести за черту города, а вместо них обустроить парки и базары.

– Французский музей искусств, дающий возможность изучать развитие французского искусства.

– Фабрика обоев и гобеленов – единственная в Европе.

Реза осмотрел много других знаменитых мест Парижа, конечно, и библиотеку, имеющую 80 000 древних рукописей, среди них – много восточных. Для него, как специалиста по восточным языкам, это представляло большой интерес. Желая осмотреть весь город, Реза отправился на Монмартр и поднялся на башню телеграфа. Он очень эмоционально передал эти впечатления: «У ног моих простиралась солнцем позолоченная, объединяющая народы столица континента». На фоне этой красоты Резе показалась ужасной грязь на улицах Парижа и в домах парижан. Его вводили в сокрушение одетые в лохмотья, грязнущие чистильщики обуви. Он считал, что Парижу более подходит старое его название Lutetia (lot. грязь) и ещё добавляет, что французов, как поляков и евреев, можно причислить к самым грязным народам мира.

Наблюдая жизнь Парижа, Реза предъявил серьёзные, морального характера, претензии: множество нищих, подкидышей, которым французы обязаны создавать приюты, а вершина всех пороков – публичный промысел проституток. Они «у двенадцати парижских театров ровными рядами выстраиваются». Поэтому Париж можно назвать «театром сумасшедших всей Европы».

В Лондон Реза приехал 1 июня 1814 года и невольно сравнивал эти две страны. «Приезжим из Франции в Англию, – пишет он, – бросается в глаза серьёзное отличие этих стран. Во Франции деспотизм заглушил правду, её место занимает этикет, который требует лишь вежливости и косметического грима. Парижская революция (Великая французская революция началась в 1789 г.) и военный деспотизм вытеснили классические науки. Люди не развиты, поголовно не знают географии и истории – двух самых главных в жизни предметов. Из тысячи посетителей музея ни один не знает, что символизирует скульптурная группа Лаокоон». Позже, в книге «История литовской Библии» (1816) Реза охарактеризовал французский язык, как изнеженный, элегантно-пышный.

Описание англичан и Лондона звучит как полная противоположность впечатлений от Франции. Земля англичан – солидная и богатая. Сами англичане трудолюбивые, везде добиваются совершенства. На улицах и в домах – чистота. На улице не увидишь нищих и людей в рваной одежде. Англичане едят в меру, по характеру солидные и серьёзные. На Резу большое впечатление произвела социальная жизнь Англии – страны гражданской свободы. Этим Реза выразил свои демократические прогрессивные взгляды и надежды. «В Лондоне, – пишет автор, – господствует полная свобода печати, народ сам выбирает своих представителей в парламент. Разрешено публично хвалить или ругать короля, министров, генералов. Дебаты парламента происходят на глазах всего народа». О честности английского характера свидетельствуют и карикатуры – «своеобразное» открытие английского народа, бичующего глупости века. То же самое, что и в рисунках – в сатире, в поэзии. Своеобразный трибунал английского народа, перед которым каждый может очутиться. Какой прекрасный народ, который своё слово превращает в молоточек судьи, а карандаши и кисти – в сабли наказания! В английских школах сильные гуманистические занятия. Общество Библии заботится о переводах Библии на все языки мира. В дневнике Реза не написал, что и он обращался в это общество Библии и получил от них 200 фунтов стерлингов для выпуска литовской Библии. Реза заявил, что по образованию Англию превосходит лишь Германия. Позже, приехав в Брюссель 16 июня 1814 года, он со свойственной ему детальностью описал достопримечательности Лондона, – ибо тут, как и в Париже, есть то, чего нигде не увидишь – оно помогает понять величие английской нации. Среди них он отмечает:

– Парламент, символ английской свободы и независимости. Реза сам наблюдал заседание Нижней палаты и осмотрел зал Верхней палаты парламента, где есть трон, кресла для принцев, для епископов, лордов, написал о старых и причудливых порядках в парламенте Англии;

– Вестминстерское аббатство – национальный пантеон, место коронаций и погребений английских королей. В нём хоронят и других знаменитых людей. «Какой благородный народ, – пишет Реза, – который, чувствуя своих художников, учёных и героев, отправляет их на вечный покой рядом со своими королями». Реза удивляется и стоящими в часовнях во весь рост восковыми фигурами знаменитых личностей.

– Тауэр, крепость Лондона, долгое время бывшая резиденцией королей, теперь архив государственных документов, денег, оружия и тюрьма для известных личностей;

– Британский музей с кабинетом истории естествознания с очень ценными рукописями;

– Порт Темзы с необъятным лесом корабельных мачт. «Именно здесь понимаешь, что такое торговля и торговый город», – пишет Реза;

– Биржу, которую Реза описывает не только как центр мировой торговли, но и как архитектурную достопримечательность Лондона.

Уезжая из Лондона и возвращаясь во Францию к Прусской армии, он так обобщает впечатления, полученные в Англии:

«Я покинул Лондон 3 июня, полон тоски, словно оставил свою настоящую родину. Я уже было привык к тамошнему дыму, от постоянного сжигания угля, к высоким ценам и достаточно эгоистическим характерам англичан. Очень правильные, кстати, были слова Шиллера: «У Темзы, на мировом рынке царствует Бог Земли – деньги. Даже за присмотр зонта в музее нужно было заплатить два шиллинга, хотя у меня зонта-то и не было. Не помогли даже извинения. Боже, благослови алчность англичан! Со своими деньгами они много и добра делают». Но ни одного государства, ни одного края Реза не сравнил со своей родиной. Почему же ему так сильно понравилась Англия? Наверное, на него, сироту, рождённого в третьем сословии, в детстве пасшего гусей у Куршского залива, лишь через учёбу завоевавшего признание в обществе, самое большое впечатление и должна была произвести Англия, идущая, по возможности, дорогами третьего сословия. Видно, что Реза уже принадлежит к новому поколению, ищущему равенство сословий общества. Однако, он ни в коем случае не революционер, а умерен-

ный приверженец новшеств. В своём дневнике Реза очень почтительно отзывается о монархах-союзниках: о российском императоре Александре I, австрийском императоре Франце I, прусском короле Фридрихе Вильгельме III, а прусского короля Фридриха II Великого (1712—1786) называет гениальным.

Интересны научно-исторические, педагогические и теологические воззрения Людвикаса Резы, сложившиеся к 1813—14 годам. На военную кампанию в Европе он смотрит глазами и участника, и историка. Он довольно подробно описывает маршруты армии союзников и армии Наполеона в Центральной и Западной Европе, также битвы, в том числе и самые главные – у Дрездена и у Лейпцига. Описания Резы аутентичны, так как он сам наблюдал за битвами с близкого расстояния, сам пережил сложности походов и ужасы боёв.

Вместе с тем, его интересовало множество вещей, совершенно не связанных со сражениями и армией. Реза очень любознательный, внимательный и скрупулёзный свидетель событий, безусловно, эрудит и литератор. Его, как естествоиспытателя, интересуют новые ландшафты гор и равнин, панорамы городов и деревень. Точными фразами он воссоздаёт увиденные образы, часто ими восхищается как романтик, философ, священник.

Реза глубоко интересовался экономическим положением стран, городов, деревень, не обходя и этнографических различий. Он отмечал, какие и где выращивают сельскохозяйственные культуры, чем торгуют, что производят фабрики, чем занимаются жители, где живут богато, а где бедствуют. Это критерии, свойственные эпохе Просвещения, которые характеризуют капиталистический уклад. Резу интересовали многие гуманитарные вопросы, особенно по теологии, ориенталистике, просвещению, катехизации. Он поддерживал старые проверенные формы обучения, коих старалась изгнать новая игровая методика. О каждом встреченном просветителе, служившем науке или педагогике, имеющем хорошую библиотеку, создавшем школу или общежитие для студентов, Реза пишет с огромным почтением. Восхищается двумя школами для слепых и глухих в Берлине. Он присутствовал на трёх уроках в школе глухих, сам задавал вопросы воспитанникам, на которые они хорошо и правильно отвечали. Реза верит во всемогущество обучения и воспитания. С образованными людьми Реза обсуждает различные проблемы, которые соответствуют его эрудиции: по астрономии, поэзии, религии, естественным наукам.

Реза не был ярким сторонником новых методов обучения. Он, скажем, соглашался с теми, кто считал, что опасно неопробованными способами проводить опыты с душами учеников. Реза хвалил исследователя генеалогии, составившего словарь знатных семей Европы. В Пражском университете, наряду с факультетами философии, теологии, права и медицины, имелся ещё пятый – технический. Реза отмечает, что это достойно подражанию, ибо на этом факультете изучают химию, краски, изготовление стекла, обработку железа и ещё много похожих, «очень потребных вещей». Реза радуется большому собранию – в 30 000 книг – в графской библиотеке, недалеко от Рейна в лесном массиве. Там имелись комплекты книг с красивым переплетением, классические произведения немецких, английских, французских, итальянских писателей, хранились подшивки разных газет.

«Для наших офицеров здесь самое привлекательное – балы: они мило угощаются Шиллером, Гёте, Веландом». Реза удивился, когда в городе Триер (на западе Германии) в библиотеке нашёл редчайшие издания, среди них и первую Библию, напечатанную Иоганном Гуттенбергом, рукописи Игнации Лойолы и Лютера. Вместе с тем, Реза критикует священников Гессенского края, которые не имеют понятия ни о литературе, ни о других науках. Возмущается, что в городе Везлара (вблизи Марбурга) в школах идёт реорганизация по французским образцам, не обращают внимания на преподавание религии: в программе лишь один урок по морали. По мнению Резы, если по латинскому языку, математике и другим наукам назначаются специальные преподаватели, то почему в школах не могут работать священники, которые во всех классах преподавали бы лишь религию, не имея других обязанностей. Во Франции Реза ноче-

вал у католического священника, который, к удивлению Резы, совсем не знал латинского языка, ничего не знал об Исповедании Аугсбурга – изложении основ лютеранства, которое в 1530 году подготовил коллега и единомышленник Лютера – Филипп Меланхтон. Упрекает Реза и католиков за то, что они мало изучают историю церкви.

Размышляя о религиозных учениях и сравнивая их, Реза отдаёт первенство протестантизму. При этом Реза толерантен к католицизму, одобряет сотрудничество католиков с протестантами. Реза утверждает, что протестантизм, по сравнению с более эмоциональным католицизмом – сухое религиозное учение. Поэтому Реза симпатизирует процессиям католических верующих: «Паломничество пилигримов в святые места, романтические проявления христианства создают для жизни идеалистический размах, связывают сердца людей, смягчают чёрствы́е обычаи, лечат от национального величия, корыстолюбия. Протестантизм – проза христианства, все эти ценности от нас отнял». Такие высказывания показывают некоторое недовольство Резы простым протестантизмом, отдалением от рационализма просветителей. Он симпатизирует пиетизму. Реза одобряет попытки сблизить конфессии протестантов и католиков, создавать общие церкви и институты. В походе он посетил несколько монастырей и защищает их авторитет. Он упоминает монастырь в городе Фулда (на северо-востоке от Франкфурта-на-Май-не), который для Германии стал тем, чем для Италии похожие учреждения на горе Касино (Casino). Этот монастырь он считает колыбелью науки всей Германии. Здесь учились все знатные люди Германии тех времён. Реза писал: «До появления университетов, монастыри были единственными очагами науки. Будет преступлением перед человечеством, если, ликвидируя эти учреждения, не переделают их в школы или в другие места развития молодёжи». Реза благосклонно пишет об одной церкви Марбурга, которая как бы соединяет святые мессы протестантов и католиков. Реза высоко оценивает и работу отцов церкви, а нарядный интерьер католической церкви, по мнению автора, склоняет прихожан к богобоязни.

Несмотря на это, Лютер остаётся для Резы самым главным авторитетом. Касаясь проблем религии, следует ещё обратить внимание на мысли Резы по поводу исследований Библии, ибо он сам был проповедником и слушал множество проповедей в разных странах. Позже, переводя Библию, Реза пользовался новейшими методами. Он старался толковать текст Библии, опираясь на новые данные истории, географии, естествознания, астрономии, медицины, языкознания. Одних проповедников, которых слушал, Реза критиковал, другими восхищался. Кстати, здесь нужно подчеркнуть, что у Резы была хорошая артикуляция с громкой, складно и ясно сформированной мыслью, так как ему приходилось много разговаривать не только в церквях, но и проводить святые службы, читать проповеди на улице и в поле для сотен солдат. В противном случае, его бы не взяли на работу в должности военного проповедника.

Мысли Резы об искусстве чтения проповедей, можно резюмировать так: обязательно нужен контакт с людьми; нельзя читать по бумажке, ибо капеллан – это оратор, гармонично соединяющий культуру речи с выразительной интонацией и имеющий привлекательную внешность. Но возможен и другой метод чтения проповеди: никакой жестикюляции, нежный голос, скромность, серьёзность, спокойствие, небесная благодать в глазах и во всей сущности – что-то апостольское. Реза встретил и такого проповедника, который был «словно отец для своих детей и любезный советник для своих друзей. Не дидактика, не красноречие, не интеллект – дружеская святая беседа, а не проповедь». Реза считает, что проповедь должна передать одну чёткую центральную мысль, но сделать это и глубоко, и доступно. Реза очень внимательно относился к тону, который священник использует за кафедрой, а также к акустике здания, потому что для его стиля ведения проповеди было характерно напевное произнесение текста. Так прихожанам было легче разобрать слова, да и прусские церкви были большими, и не было другого способа усилить голос священника иначе, как при помощи этого распевного приёма. Так как Реза сам был поэтом, он также выступал за использование поэтических цитат из духовных источников, чтобы проиллюстрировать идеи проповеди. Реза не был против использования письменных

текстов на проповеди, но и не ценил стандартные проповеди, прочитанные из книги. Его собственные проповеди обычно длились час или чуть более, но он перемежал их стихами гимнов и молитвами для изменения настроения и темпа.

Про эстетические предпочтения Резы можно сказать следующее. В записях его Дневника достаточно замечаний об архитектуре, искусстве, литературе. С большим уважением Реза пишет об Античности, Готике, Ренессансе, Просвещении. По его мнению, искусство должно выражать природу, подлинность, натуру человека. Особенно его увлекает готическая архитектура, как считал Л. Реза, она ближе к природе, чем греческая и римская стилистика. Эта оценка, видимо, связана со склонностью Резы к романтике. Он часто называет романтическими прекрасные виды природы.

В походе Резе довелось воочию познакомиться с шедеврами мировой архитектуры. Он посетил барочный ансамбль Нового дворца в Потсдаме, Бранденбургские ворота в Берлине, выстроенные в стиле классицизма. Он восторженно пишет о них. Однако Резе показались странными статуи генералов короля Пруссии Фридриха II Великого на площади Вильгельма в Берлине, изображенные в париках и косичках. «Если в произведении, – пишет Реза, – раскрыта лишь форма одного столетия, с этим столетием оно и исчезнет. Вечны те произведения, которые близки к идеалам природы». В искусстве это продемонстрировала «чувственная рука греков». Итак, античная греческая скульптура, по мнению Резы, превыше всего. Большое впечатление на Резу произвёл парк городка Верлиц (Worlitz, севернее Лейпцига, у Эльбы). Реза очень хотел его осмотреть. Парк, где искусственным способом были воссозданы разные эпохи, считался самым красивым во всей Германии. Там были представлены и античный лабиринт, и пантеон, в котором установлены бюсты Платона, Христиана Теллерта, Йогана Лаватера, и монумент Жан-Жаку Руссо, окружённый тополями, и готический замок с картинами готического стиля, посудой, украшениями, и роща богини охоты Дианы, святилище Флоры с аутентичной статуей богини цветов. Пред ним впервые предстала античная скульптура. Он увидел настоящий антик Рима в святилище богини любви Венеры, египетские статуи и несколько оригиналов картин Рубенса в замке князя Верлиц. Увиденное очаровало Резу, и он задался вопросом: здесь природа или искусство переросло себя? Это не отрицает постулата, что назначение искусства – выразить «натуру» и это, кажется, можно сравнить с мнением Аристотеля, что искусство рождается от имитации инстинкта, рождающегося в человеке.

Реза, признавая первоочерёдность содержания в произведении искусства, в том числе опирается на высказывания Аристотеля и других просветителей, но вместе с этим процесс созидания он как будто покрывает эзотерической вуалью, делает более романтическим. Может быть, это исходит от проромантизма, влияние которого Реза чувствовал. Во время похода он видел знаменитые европейские шедевры готической архитектуры в Праге, Нанси, Кафедральный собор Реймса, множество памятников такого же стиля в Париже и в Лондоне. Он писал: «В Реймсе есть такой шедевр древней готики, что он может быть единственным в Европе – большой Кафедральный собор, в котором короновались французские короли. Заслуженно его можно назвать королём церквей». Следует принять во внимание мнение Резы о Рафаэле, которое раскрывает его эстетический вкус, выраженный после посещения Национального музея в Париже. Там он осмотрел 27 картин Рафаэля и отметил в Дневнике:

«Две картины оставили неизгладимое впечатление, как явление из другого, более высокого мира, а именно: „Возрождение Христа“ и „Св. Цецилия“. Такой гений, как Рафаэль, всего лишь один раз появляется на Земле и уже никогда во второй раз на землю не спустится. Стою я заворожённый и не понимаю, что со мной случилось – не могу оторвать глаз от этих прекрасных картин. И откуда это бесконечное очарование изображения? Никакой Платон или Кант не могут объяснить сути вечной красоты, которую не только понимаешь, но и чувствуешь».

Шкалу эстетических ценностей Резы можно понять и по именам писателей, которые он часто упоминает в дневнике. Это, в первую очередь, античные авторы – греки и римляне: Демо-

сфен, Геродот, Гомер, Платон, Фукидид, Цезарь, Цицерон, Тацит; затем, немецкие писатели: Эвальд фон Клейст, Геллерт, Лаватер, Бюргер, Веланд, Шиллер, Гёте; французы авторы: Жан Рацине, Пьер Корнель, Жан-Батист Мольер, Жан Лафонтен, Рене Декарт, Вольтер. Из английских писателей упоминает лишь Шекспира, Джона Мильтона, Тома Грея. Этот список подтверждает, что Реза накопил немалый интеллектуальный багаж. Как каждый думающий, образованный человек, он уважал учёность и авторитет признанных людей.

Дневник Резы написан не только экстраординарным профессором, военным проповедником, но и рукой литератора и поэта. Поэтому часто включает лирические размышления, картины природы, легенды, анекдоты, просто фигуры красноречивости. В записках присутствуют три стихотворения: баллада религиозного содержания о Возвещении архангелом Гавриилом Деве Марии, патриотическая «Песня о победе под Лейпцигом» и возвышающая немцев «Песня о вине Мозеля».

Некоторые размышления Резы напоминают философские рассуждения, однако часто они звучат как лирические высказывания. Исключение – его беседы с профессорами и другими просвещёнными людьми. В них Реза касается настоящих философских проблем, связанных с трактатами Канта, но в более широкие обсуждения не вступает. Так, одному студенту Реза объяснял, что значит у Канта понятие «радикальное зло и категорический императив», студент остался очень доволен общением с профессором, сторонником Канта.

Часто риторические вопросы или короткие утверждения Резы, укоры современности религиозного, эмоционального, психологического, моралистического характера напоминают сентенции, афоризмы, максимы, научные рассуждения, поэтому их можно считать вариациями авторского стиля. Например, Реза пишет, что древние пруссы своим дорогим усопшим родственникам в могилы клали много прекрасных ценных вещей.

«Сегодня мы приходим к кровати умирающего лишь для того, чтобы получить наследство умирающего, а ему оставляем только одну рубашку, чтобы он там не оказался совсем голым».

Когда во время поездки Реза остановился в доме, хозяин которого был высоко оценён в мире религиозных идей, он записывает: «Кто из холодной обыденности смог подняться в высокий мир духовности, того уже не страшит груз времени и земные страдания».

Обдумывая тайну жизни во время посещения музея анатомии в Берлине, Реза записывает:

«Какой волшебный мир – маленькое существо по имени человек! Молитвенно и удивлённо склоняешь голову перед искусством, которое всё переплело, одно с другим сплело и соединило в гармоничную общность! Однако самое большое чудо есть то, Невидимое, которое всем этим частям дало жизнь! Куда делся гость, который некоторое время здесь гостил, в эти окна глядел, а потом куда-то уехал, как будто он коротко от бури прятался и даже аренду за это не заплатил».

Это сравнение по-настоящему оригинальное и поэтическое. Есть и психологические характеристики:

«Почему пороки женщину в два раза больше обезображивают, чем мужчину? Видно красота и нравственность сёстры-близнецы, а преступление и мужская храбрость между собой, так сказать, лучше гармонируют, чем женская нежность и преступление».

Крутой поворот русла реки Эльбы с юга на север в Чехии Реза сравнивает с человеческой жизнью: «Так же часто разбиваются планы нашей юности, и мы должны, хочешь не хочешь, идти другой дорогой, не той, которую мы создавали в своих беспокойных мыслях или в своих летающих воображениях».

Очень жаль, что Резе не случилось встретиться с Гёте. Будучи далеко от Веймара, уже после Лейпцигской битвы, вблизи Франкфурта-на-Майне, Реза писал:

«Веймар, немецкие Афины, безобразно построены, лишь герцогский замок великолепен и находится в очень импозантном месте. Жалко, что здесь мне не пришлось познакомиться с Гёте или ещё с каким-нибудь знаменитым человеком. Может быть, возвращаясь, я буду более счастлив и наверстаю, что пропустил».

Через пять лет в 1818 году Реза решил обратиться к Гёте по поводу выпуска сборника литовских народных песен. Он послал Гёте в Веймар рукописи песен, а в 1825 году уже готовую книгу «Dainos» («Dainos, oder Litthauische Volkslieder, gesammelt, ubersetzt und mit gegenuberstehendem Urtext hrsg. v. L. J. Rhesa», Königsberg, 1825) и два письма. Долго не отвечал гений немецкой литературы, но всё же в 1828 году опубликовал благоприятную рецензию на сборник песен Резы.

В дневнике Резы есть и несколько фрагментов других жанров – рассказы об анекдотических случаях. Вот один о французах. Бывший французский комендант построил в городе монумент с надписью: «Наполеону в память о походе в Россию». А нынешний русский комендант приказал внизу приписать ещё такие слова: «Установлено по разрешению коменданта из России».

У Резы было лёгкое и острое перо, и он мог сыпать яркими остроумными фразами. Например, он пишет, что в крае Гессен у священников очень маленькие зарплаты, а семьи большие: число детей «обычно достигает числа Муз или Апостолов».

В целом, Реза пишет свой Дневник ясно, по-деловому. В дневнике проявляется и его личность. В эти годы Реза находился в самом расцвете сил, ему было тридцать семь – тридцать восемь лет. И ему хватало сил в полевых условиях служить молебны, читать внушительные проповеди большим отрядам военных, преодолевать переходы в дождь и жару.

Иногда он упоминает о случаях, связанных непосредственно с ним самим, и иногда они очень опасны. В апреле 1813 года он сумел у берега Вислы шестом нащупать и вытащить из воды мальчика, выпавшего из лодки. Прибежала мать и сначала насквозь промокшему мальчику дала две сильные оплеухи с соответствующими нравоучениями, а затем засыпала Резу словами благодарности. Автор показал педагогическую мудрость и сказал, что получивший урок воды, ребёнок быстрее поймёт, чем получивший урок оплеухи, кроме того, видно, у ребёнка есть талант моряка.

Как учёный, Реза был кабинетным человеком, книжником, но ему хватало мужской храбрости и в самой суровой обстановке. Он мужественно переносил и холод, и голод, а как только появлялась возможность – отдавал себя «музам», сочинял свои записки и даже стихи. В опасной ситуации Реза проявлял мужество и выдержку, оставался выдержанным и остроумным.

Случилось ему однажды, по дороге в Котбус, лихо спастись от плена французских гусар. Его предупредили, чтобы прямой дорогой туда не ехал, так как враг совсем близко. Не желая показаться трусом, Реза советов не послушал. «Проехав где-то час, – пишет он в своём дневнике, – вдруг на одном из холмов увидел группу всадников, которые скакали прямо ко мне со стороны леса. Это были французские гусары. Немедленно приказал своему кучеру снять мундир и надеть мой плащ, а я быстро накинул накидку духовника, подвязал воротничок священника, надел свой берет. Это было моё счастье. Они посчитали меня саксонским священником, так как те носят такие же одежды. Ещё не доехали до холма, послышалось: „Стой!“ Я приказал остановиться. „Кто вы есть?“ Я: „Пастор“. „Куда едите?“ Я: „В Бечау“. „Видели русских?“ Я: „Да, сотня казаков поскакала в ту деревню час назад“. Когда они услышали слово „казаки“, быстро развернулись и ускакали, не успев у меня отнять лошадь и кибитку».

Ход Лейпцигской битвы Народов (16—19 октября 1813 г.), в которой наполеоновскую армию разбили войска России, Пруссии, Австрии, Швеции и Великобритании, Реза видел своими глазами. Он вёл наблюдение, поднявшись на горку, и спустился лишь тогда, когда вокруг стали взрываться снаряды французской артиллерии. Он лично спасал раненных французских пленников.

«В моей душе, – писал Реза, – останется неизгладимое жуткое зрелище этой битвы. Широко, на несколько миль вокруг, поле этой великой битвы было покрыто трупами людей, павших коней, поломанными телегами, шляпами, рюкзаками – так что ни на коне, ни на колёсах отсюда не пробыёшься. Пару раненых я сам еле-еле дотащил до ближайшего дома, где дал им немного хлеба и вина. Голод и раньше мучил французов. Пленные выглядели, как призраки, как тени».

В походе Реза не раз попадал в сложные ситуации. Ему приходилось ночевать прямо на уличной мостовой, такое бывало и в полевом лагере, когда вокруг было весело, у караульных костров долго не затихали песни. Во время боёв Реза не раз оказывался в очень опасных местах, в гуще битв. Он был смел, ухаживал за ранеными, от усталости засыпал на ходу. В августе 1813 года, после осмотра достопримечательностей Праги, он затемно выехал в деревеньку, где планировал ночлег, и заблудился. А во время тяжёлой Дрезденской битвы (26—27 августа 1813 г.) он десять суток не имел крыши над головой. И в дождь, и в холод приходилось пробираться через Рудные горы, не имея ни кусочка хлеба и каждую минуту ожидая опасности или плена:

«Так мы провели пять несчастливых дней, пока не прошли горы. Все, кто участвовал в этом походе с 27 по 31 августа, будут вспоминать их как самые жуткие дни в жизни».

Спасла армию знаменитая битва у Кульма в Рудных горах, недалеко от города Топлиц (Toplitz, Чехия), которую неожиданным манёвром выиграла Прусская армия. И это жуткое побоище с горы наблюдал Реза. Безусловно, Реза был не только большим эрудитом, пытливым учёным, хорошим теологом, но и хорошим человеком с сильным мужским характером, понимавшим вкус не только учёной беседы, но и вкус хорошего вина и, по немецким обычаям, не отказывавшимся от пива.

После победного завершения войны с Наполеоном и торжественного марша по Парижу, Реза посетил Брюссель, осмотрел Лондон и благополучно вернулся в Кёнигсберг. И уже 31 августа 1814 года он сообщил в сенат университета о возвращении и готовности приступить к работе.

Глава 4. Профессор университета «Альбертина»

Более трёх десятилетий Реза проработал в Кёнигсбергском университете, который сам окончил в 1799 году. Будучи учёным и практиком-теологом, духовником и учителем, он преподавал курс теологии и древних языков, не раз избирался проректором университета (титул ректора был у самого короля), деканом Теологического факультета, был членом сената университета, заседателем Церковной консистории (религиозный суд у лютеран), писал латинские теологические и философские трактаты. Вклад Резы в науку и культуру Восточной Пруссии очень важен, и потому интерес к аспектам его академической деятельности не случаен.

Университет, основанный первым светским правителем Пруссии герцогом Альбрехтом 17 августа 1544 года на острове Кнайпхоф, играл в Пруссии огромную роль. Созданный, как классический средневековый университет, в составе имел четыре факультета – философский, медицинский, юридический и теологический. До середины XIX века университет сохранял свою структуру и дух протестантизма. Во время обучения Резы с 1795 по 1799 год университет имел репутацию одного из самых отсталых провинциальных университетов. Однако в начале XIX века начался период обновления и мощного роста учебного заведения. Связано это было с вынужденным пребыванием в Кёнигсберге и

Восточной Пруссии королевской четы и двора, бежавших из Берлина от наполеоновского нашествия. Да и колоссальная деятельность Канта, всеевропейское признание его заслуг повысили интерес к Кёнигсбергскому университету. Ещё одной причиной роста университета стала необходимость обучения большего количества студентов в связи с тем, что после раздела Польши, к Пруссии отошли территории с большим населением. Неоднократные аргументированные обращения профессора Ауэрсвальда и ректора университета Хайдемана к правительству с предложениями о преобразованиях в университете и увеличении финансирования сначала не нашли существенной поддержки в Берлине. Однако, прибытие в Кёнигсберг новых профессоров, среди которых были Иоганн Фихте и Иоганн Зюверн, также начало активных прусских реформ, именно в Кёнигсберге сдвинуло дело с мертвой точки. Король Пруссии Фридрих Вильгельм III провозгласил программный тезис: «Государство должно духовной мощью возместить то, что было утрачено территориально». Центром разработки и реализации реформ стал Кёнигсберг, а движущими силами – высшие чиновники провинции (большинство из них окончили Альбертину) и профессора университета. Одной из главных идей реформирования государства стало положение, сформулированное Фихте, о том, что в основе государственной реорганизации лежит реформа университетского и школьного образования. Реорганизацией предусматривалось отмена крепостного права, свобода занятий ремёслами, военная реформа, новые городские уставы (коммунальная реформа) и реформа земельных отношений. Реформу образования возглавил Вильгельм Гумбольдт, он был идейным отцом программы обновления прусской системы образования. Эффективные реформы в Кёнигсбергском университете начались в 1808 году, а возглавили их профессор Ауэрсвальд и ректор университета Хайдеман. Программа обновления университета была представлена королю в марте 1809 года и получила одобрение. Король выделил существенные средства для развития университета, которые были достаточно эффективно использованы. Реза приступил к работе в университете в 1810 году, в самый разгар преобразований, в этот же год в университет прибыл молодой учёный Фридрих Бессель, ставший самым выдающимся астрономом первой половины XIX века. В 1809 году в университете начал работать выдающийся педагог Иоганн Герbart, позже к ним присоединились будущие великие учёные – математик Карл Якоби, физик Франц Нойман, физик Генрих Дове, химик Фридрих Дульк, анатом и физиолог Карл Бурдах, физиолог и естествоиспытатель Карл Бэр. Из профессоров старшего поколения активно продолжал работать профессор Карл Хаген. Начало работы Резы в университете пришлось на период значительных реформ и роста.

Ставший ординарным профессором и защитивший диссертацию доктора теологии Реза занимал в университете Кёнигсберга ответственные академические должности. Уже в 1819 году он был назначен деканом теологического факультета, а во время зимнего семестра 1820—21 годов руководил университетом, будучи его проректором. В университете Кёнигсберга эта должность приравнивалась к должности ректора, так как в 1807 году, во время приближения армии Наполеона к Берлину, король удалился в Восточную Пруссию и тогда, воспользовавшись этим, руководство университета выбрало ректором наследника престола. С 1808 года реальный руководитель университета именовался проректором, а звание ректора принадлежало наследнику престола. Проректоры, а также деканы факультетов, менялись по очереди каждый семестр. Реза пользовался значительным авторитетом, поэтому должность проректора Реза занимал ещё в 1824—25 и в 1830—31 годах во время зимних семестров. С 1825 года Реза постоянно с другими профессорами и чиновниками подписывал указы университетского руководства. Деканом факультета теологии он был многократно: в 1821—22 и 1822—23 годах во время зимних семестров, а в 1825 году – в летний семестр, в 1826—27 годах – в зимний семестр, а в 1828 году – в летний семестр, в 1829—30 и 1831—32 годах – в зимних семестрах.

Важнейшая область деятельности Резы в университете была связана с работой семинара литовского языка при теологическом факультете университета. Аспекты этой деятельности были исследованы только в последние десятилетия. Особое значение эта деятельность Резы имела для литовской культуры. Изначально об этой стороне работы Резы можно было судить по его заметкам на полях страниц некоторых изданий и литовскому стихотворению, которое он посвятил 100-летию юбилею семинара и некоторым намёкам в работах немецких и литовских историографов. Значительно позже появились архивные данные о руководстве Резой Литовским семинаром.

Семинар Литовского языка в Кёнигсбергском университете – первая академическая структура в мире по изучению литовского языка. В начале XVIII века во время Большой чумы, особенно свирепо прошедшей по Прусской Литве, умерли много священников и прихожан. Литовцы и после эпидемии составляли большую часть жителей сельских территорий Прусской провинции, однако их религиозное образование и духовное окормление находилось в критическом состоянии. Прусский король Фридрих Вильгельм I королевским рескриптом от 27 июня 1718 года поручил двум профессорам Прусских университетов Генриху Лизиусу в Кёнигсберге и Герману Августу Франке из Галле подготовить проект и эффективно решить проблему подготовки священников, знающих литовский язык. Было решено создать на Теологическом факультете Кёнигсбергского университета семинар литовского языка (кстати, это первый семинар в университете, позже их создали ещё десять). Первым инспектором семинара был назначен профессор Лизиус – проповедник кирхи Святой Барбары в Лёбенихте. Первая группа слушателей была сформирована из немецких студентов Теологического факультета. Семинаристам предоставили льготы: 3 года выплачивалась специальная стипендия, выделялось общежитие и бесплатные обеды. Требования к студентам были минимальными и практичными – научиться вести проповеди на литовском языке и читать на литовском языке катехизис. Долгое время не было учебников грамматики и словарей литовского языка, вместо них лишь религиозные книги. О более глубоком изучении языка и разговорной речи, говорить было сложно. Инспекторами семинара в XVIII веке были известные деятели церковной и академической жизни Восточной Пруссии – Генрих Лизиус, Йоган Якоб Квант, Даниэль Генрих Арнольд, Теодор Криступ Лилетхаль, Франц Альберт Шульц и др. Сами инспекторы зачастую литовского языка не знали (может быть, кроме Кванта), студентов обучали старшекурсники теологического факультета, так называемые доценты. Почти все знаменитые деятели литовской письменности, начиная со второго десятилетия XVIII века – воспитанники этого семинара. Здесь литовский язык изучали и совершенствовали Адам Фридрих Шиммельпфениг

младший, Адомас Генрих Пилгрим, Кристийонас Донелайтис, Кристийонас Готлиб, Готфрид Остермейер и его сыновья, будущие филологи, Максимильянас Фелькелис, Эрдманас Юлиус Шиконас, Йонас Пипирас, Александр Куршайтис и другие. Преподавали в семинаре литовский язык Петрас Готлибас Милкус и три его сына, Довидас Зудноховиус, Повилас Фридрихас Руйгис, Зигфрид Остермейер, Карл Кеберис. В последний год своего обучения в университете в 1799 году доцентом семинара был назначен и студент теолог Реза. Его знание литовского языка (к этому времени Реза уже перевёл на литовский язык псалом Давида) проверял на то время старейшина литуанистики – автор новой литовской грамматики Готфрид Остермейер – учитель и пастор из Тремпына (теперь посёлок Новостроево).

Уровень семинара к началу XIX века снизился – не было достойных руководителей и квалифицированных доцентов, стесняла нехватка учебников. Когда родилась идея единой Германии с единым языком и культурой, когда были поделены средства среди других факультетов, обсуждалось – нужен ли литовский семинар вообще. Скорее всего, он был бы закрыт около 1809 года, но тут инициативу проявил 33-летний литовский проповедник и приват-доцент Теологического факультета Людвикас Реза. В архивах найдены два его письма близкого содержания, написанные почти в один день (20 и 22 марта 1809 года). Одно было послано в министерство по делам Просвещения в Берлин, а другое – вручено местным властям в Кёнигсберге. В них есть признание, что литовский семинар работает неэффективно, однако предлагается выход, чтобы не закрывать эту структуру, а эффективно реформировать её. Руководить семинаром и в нём преподавать Реза взялся сам: «Так как я сам знаю язык и правительством назначен литовским проповедником, предлагаю свою кандидатуру».

Инициативу Резы поддержал министр Просвещения Пруссии того времени Вильгельм Гумбольдт, приписавший несколько строчек лично для Резы в письме кураториуму университета. Министр обещал поддержать инициативу Резы и предложил реорганизовать деятельность семинара. Дождавшись поддержки министра, Реза отказался от должности военного проповедника, оставив себе право вести проповеди лишь по воскресеньям, и принял предложенную ему профессию в университете.

6 января 1810 года король Пруссии Фридрих Вильгельм III подписал приказ о назначении Резы экстраординарным профессором теологии и специальным, то есть преподающим, руководителем семинара Литовского языка. По инициативе Резы были вновь организованы два отделения в семинаре. Во втором отделении студенты, только начинающие изучение языка, изучали основы грамматики по программе, подготовленной руководителем семинара, а также устный и письменный перевод. В первом отделении слушатели выполняли более сложные индивидуальные практические упражнения. В начальном отделении литовский язык преподавали студенты-теологи, знающие язык, а сами они посещали лекции профессора Резы в высшем отделении. Реза сформировал значительную библиотеку семинара, в которой до него было лишь несколько книг на литовском языке. Были приобретены дополнительные экземпляры грамматики и словари Милкуса, новейшие переводы на литовский язык религиозных писаний и литовских светских книг. Как известно, оригинальных литовских книг в начале XIX века ещё не было, поэтому для изучения литовского языка использовалась первая книга по истории на литовском языке – перевод с немецкого языка «Рассказы о святой войне» (1814) Кристуга Даниэля Гассенштейна. Известно, что в преподавании литовского языка Реза уже с самого начала не ограничивался только нуждами религиозной службы, размах был намного шире – более глубокое изучение литовского языка и литературы. Позже он включил в учебную программу им самим опубликованные басни Кристийонаса Донелайтиса, а позже и «Времена года». С 1825 года Реза читал курс о литовских народных песнях. По поводу использования книг светского содержания он не раз был предупреждён руководством университета и кураториума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.